

12+

Антон Назарчук

Легенда о чародее

Лазурный замок

Антон Назарчук

**Легенда о чародее:
Лазурный замок**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Назарчук А. Л.

Легенда о чародее: Лазурный замок / А. Л. Назарчук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Кто может колдовать? Чародеи с Острова Богов считают, что лишь те, кому с рождения дан редчайший дар – Звездная Искра. Веками маги ищут по свету мальчиков, наделённых им, выкупают у родителей, чтобы подготовить себе смену. Чародею дозволено очень многое, гораздо больше, чем знатному вельможе. Есть лишь одно ограничение – маг не имеет права на любовь. Таков главный закон магии. Но какая связь между магией и любовью? И почему магия доступна лишь мальчикам наделённым Звездной Искрой? Поиски ответов на эти вопросы, оказываются очень опасными для молодого адепта школы магии. Да он и не против был бы отступить, да на карту поставлено слишком много...

Содержание

1. Незадолго до экзамена	5
2. Тот самый раз, когда он тайно проник	8
3. О том, как он перешёл под опеку к новому учителю.	13
4. Неуправляемый	15
5. Запрет на Любовь	18
6. История, что рассказывал ей отец	23
7. Кай	26
8. Встреча с Заедилом	28
9. Боевые тренировки	33
10. Урок 1-й	36
11. Теоретические данные	40
12. Отъезд Заедила	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

1. Незадолго до экзамена

– Это твой первый экзамен, Лешарп. Отнесись к нему со всей серьёзностью, пожалуйста. Ученик стоял у окна, молча любясь видом. Он даже не отреагировал на слова молодого учителя, несмотря на то что его замечания были к нему вполне справедливы. От результата этого экзамена зависело, как в дальнейшем будет проходить его обучение.

– Прошу, веди себя степенно, – продолжал давать наставления преподаватель. – Твой гонор может пагубно отразиться на твоём развитии, даже если ты правильно ответишь на все заданные тебе вопросы.

– И это будет справедливо? – наконец заговорил ученик.

– Да, – ответил учитель.

– Почему?

– Потому что тебе нечего делать в верхнем дворце, если ты не умеешь контролировать свои эмоции, – назидательно процитировал учитель отрывок из собственных же лекций. – Не говоря уже о том, что контроль над собственными эмоциями мы проходим в самом начале.

– А если это будет не эмоциональный всплеск? – не сдавался ученик.

– А что тогда?

– Несогласие и отстаивание точки зрения, и умозаключений, – ученик повернулся к своему наставнику.

– Точки зрения, умозаключений? – переспросил скептически наставник. – Позволь спросить тебя, чьи это умозаключения?

– Мои, – удивлённо ответил Лешарп. – А чьи же ещё? Я много размышляю и делаю определённые выводы. Пусть некоторые результаты моих исследований и разнятся с общеизвестными данными, но это не значит, что мои возражения вызваны отсутствием контроля.

– Ты лукавишь, друг мой, – погрозил ему пальцем наставник, и улыбнулся.

– Нет, – пожал плечами ученик. – Почему бы этим умозаключениям и в самом деле, не быть моими?

– Потому, что ты для этого не достаточно образован и начитан. Хотя, должен признать, что твои способности, порой просто поражают. Особенно если учитывать то, сколько времени ты тратишь на свои прогулки по деревенским окрестностям.

Ученик ничего не ответил, лишь усмехнулся и направился к выходу.

– Я уверен, что у тебя все получится, – сказал ему наставник, выходя из кабинета, вслед.

– А я, в этом даже не сомневаюсь, – безразлично ответил Лешарп.

– Только не будь слишком самонадеян, слышишь! Твое мнение о том, что ты самый достойный в этом учебном заведении ни должно касаться других. Ты понял?

Лешарп остановился.

– Что вы имеете в виду?

– Я говорю про твою неоправданную уверенность, – ответил учитель. – Когда-нибудь она тебя подведёт, и смотри, что бы это было не сегодня.

Лешарп только закатил глаза и вновь продолжил своё движение.

– Ты так ведешь себя, только потому, что не встречал себе равных на своем курсе среди учеников, – продолжал говорить ему в след наставник, часто, но не очень продуктивно, перебирая ногами.

Ученик вновь ничего не ответил, и не потому, что он неоправданно считал себя лучше других, просто, за то время пока он был под опекой у своего наставника, успел выучить все его реплики наизусть. И более того, порой знал, какая последует за уже сказанной, что, всегда раздражало его молодого учителя, и вызывало неистовую радость среди однокурсников.

Они миновали коридор и устремились вверх по лестнице, которая вывела их на большой балкон. Данный балкон, являлся так же и проходной, на более высокий ярус, Лазурного замка, где обитали куда более могущественные наставники и ученики, чем те, с которыми Лешарп имел дело раньше.

– Смотри, – указывая на колоннады, сказал молодой учитель. – Вот тут ты будешь учиться, если сдашь экзамен.

– Не хочу показаться нахальным, – ответил ученик. – Но я уже бывал тут, однажды.

– Как? – возмутился наставник. – Ты, на запрещенной для тебя территории? Да как ты смел?

Лешарп вновь воздержался, что-либо отвечать. Он знал, какой мягкий нрав у его учителя, и не хотел лишний раз этим пользоваться.

– И тут был? – всё ещё хмурясь, спросил наставник, когда они вышли на большую террасу.

– Нет, – соврал Лешарп. – Только там, на входе.

Эта новость, как будто обрадовала молодого учителя, и он стал рассказывать, то, как ему будет хорошо, когда он попадёт на самый верх.

– Во-первых, там потрясающий вид, – увлечённо говорил он. – Тебе, как чародею, который ценит такие вещи, будет очень приятно там прибывать. А так же там совершенно другой уровень мастерства. Но прежде чем туда попасть, тебе придётся отучиться здесь.

– Надеюсь, не придётся, – ответил Лешарп.

– Что ты сей час сказал? – осёкся наставник.

– Я надеюсь, что показав своё мастерство, миную этот уровень, и ...

– О, Всемогущая Сила! – взмолился молодой учитель. – Да когда ты, наконец, поймёшь, что ты просто чуть лучше, чем те, с кем ты учился!

– А так же чуть лучше тех, кто меня учил, – справедливо заметил ему Лешарп.

Наставник покраснел, а затем начал хмуриться.

Ученик склонил голову и приготовился выслушать хорошо знакомую ему речь, об уважении к старшим не смотря на свои достижения, и так далее, но тот, лишь тяжело вздохнул и ничего не ответил.

До экзаменационного зала дошли, уже молча, там собралось, весьма много народу. В этот день не только Лешарп собирался сдать экзамен на более высокую ступень, здесь присутствовали и другие ученики, в сопровождении своих учителей.

– После этого экзамена мы больше не увидимся с тобой, – наконец нарушил молчание молодой наставник, когда пришла очередь, идти Лешарпу.

– Почему?

– Я буду вынужден, передать тебя более могущественному преподавателю. Не могу сказать, что с легкостью отпущу тебя, ведь тебя было так интересно учить, несмотря на твои выходки.

Лешарп внимательно посмотрел на его лицо и с лёгкостью разглядел в нем печаль. Видимо искусство самоконтроля не давалось его наставнику так легко, и может быть по этому, он делает акцент на эмоциях, в своей обучающей программе. Не сумев в должной степени освоить искусство самоконтроля, он устраняет этот недостаток, посредством преподавания другим. И, несмотря на то, что порой нет необходимости так скрупулёзно разбирать эту тематику, и хладнокровие его подопечных, уже давно отвечает требованиям, он все равно не перестает говорить об этом. Он с легкостью контролирует гнев и боль, но только не те чувства, которые испытывают люди при расставании с теми, кто им не безразличен, к кому привязались и в кого вложили частичку себя самого. Может именно по этому, он и являлся воспитателем младших подготовительных групп, и значился ниже, по статусу, нежели другие мастера Лазурного Замка.

– Там на верхних ярусах вряд ли найдется такой хороший воспитатель и собеседник, как вы, – ответил ему Лешарп, и добавил нотку горечи в свое высказывание, не потому что испытывал нечто подобное, а потому что понял, что наставнику будет приятно её услышать.

2. Тот самый раз, когда он тайно проник на запрещённую для него территорию

– Сможешь так? – С ядовитой улыбкой спросил Заедил, и сложил руки в определенный знак, после чего стоящая на столе ваза поднялась в воздух, словно её кто-то привязал невидимыми нитями.

Камират с досадой отвел взгляд в сторону.

– Я так и думал, – ответил Заедил. – А если бы ваза была пуста, смог бы?

Ответа вновь не последовало, что вызвало у окружающих всеобщую неприязнь к Камирату.

– Не обращай на них внимания Камират, – попытался утешить его Лешарп. – На самом деле ты этого не можешь сделать не потому, что хуже стараешься, а потому, что в твоей голове слишком много посторонних мыслей.

– Легко тебе говорить, – с досадой ответил Камират. – Тебе волшебба даётся куда быстрее других.

– Это потому, что мои мысли собраны, и упорядочены, – по-отечески, ответил Лешарп.

Камират ещё раз посмотрел в сторону своих обидчиков, которые продолжали раздувать тему чародея-дилетанта:

– Наколдуй себе немного мозгов, – как бы советовал ему Заедил. – А лучше удали часть, что бы мысли лишние в голову не лезли.

Камират сжал кулаки и направился в сторону Заедила, но Лешарп остановил его.

– Не нужно реагировать на его провокации, он специально задирает тебя.

Камират остановился, вспомнив, что уступает своему обидчику не только в области чародейского искусства. Успехи Заедила в области боевых тренировок были известны всем, кто учился с ним на одном этаже. Поэтому, Камират только злобно посмотрел на его сияющее лицо и покинул помещение.

Лешарп остался, где сидел, и продолжил листать страницы старинных рукописей. Неожиданно рядом с ним возник Заедил. Ловко перескочив через скамью, он сел, напротив.

– Ты что-то хотел Заедил? – не отрывая глаз от книги, спросил Лешарп.

Однокурсник не спешил с ответом.

Лешарп поднял на него глаза.

– Я вот смотрю на тебя и думаю, – наконец заговорил Заедил. – Почему ты общаешься с этим простофилей?

– Я общаюсь с ним не больше чем с тобой или кем-то ещё, – просто ответил Лешарп, – я не вижу причин игнорировать его присутствие, он славный парень, – просто

– Очень может быть, но вот только он трусоват, – нашёл, что добавить Заедил.

– Почему ты так решил?

– Да брось ты, – прыснул Заедил. – Не мне тебе об этом говорить. Ведь именно страх мешает ему творить волшеббу, и ты это прекрасно понимаешь.

– У Камирата есть недостатки, как и у многих, – ответил Лешарп, – но мне не кажется, что трусость является одним из них.

– Почему бы нам не проверить твоё убеждение?

Лешарп отложил книгу, и приготовился слушать.

– Скажем, попросить его сделать что-то, что не очень-то безопасно делать.

– Например?

– Ну, если бы речь шла о тебе, – потирая подбородок начал Заедил, – то я бы предложил сотворить что-нибудь опасное и устранить это, пока никто из старших не заметил. Но

поскольку наш товарищ не силен в области чародейства, обойдёмся банальным нарушением дисциплины, без участия высших сил.

– Ближе к делу, – спокойно попросил Лешарп.

– Пускай поднимется террасой выше, – наконец предложил Заедил.

– Если его поймут, то спустят ниже, чем он сей час находится, – справедливо заметил Лешарп. – Тебе-то от этого что?

– От чего? – не понял Заедил.

– От того что его заметят.

Заедил вновь широко улыбнулся, и спросил:

– А почему ты решил, что его обязательно заметят?

– Мне кажется, тебе бы этого хотелось, – предположил Лешарп.

– В этом случае, я непременно сам бы донёс на него руководству: – сказал Заедил. – Однако уверяю тебя, мне это не нужно. Пойми меня правильно, я не враг Камирату, а совсем наоборот.

– То есть друг, – не без иронии в голосе, заключил Лешарп.

– Вот именно. Если он победит свой страх, то мало того, что завоюет всеобщее уважение среди однокурсников, но и в дальнейшем уже вряд ли будет бояться. Возможно, его успехи в области чародейства возрастут. Ведь ты и сам прекрасно знаешь, что переступающий через маленькие запреты, становится более уверенным и бесстрашным.

– В твоих словах есть небольшой смысл, – согласился Лешарп. – А если его заметят, и он не пройдёт испытание?

– Ну, нет, так нет, – развел руками Заедил. – Он все равно отстаёт от всех остальных, может так будет лучше? Может он упустил что-то в начале обучения, и теперь это мешает ему развиваться дальше, а?

– Ага! – с ухмылкой, сказал другой адепт, сидящий за столом неподалеку. – Упустил тот момент, когда объясняли, зачем голова нужна.

– Ты там читай внимательней, да помалкивай, – строго посоветовал ему Заедил. – А то, гляди, как бы тоже чего не пропустил.

Адепт тут же уставился в затертые страницы, понимая скрытый смысл, заложенный в словах «пропустить что-нибудь». Если это было сказано Заедилом, то речь шла, скорее всего, о неожиданном ударе, в какую-нибудь болевую точку.

Лешарп не раз видел, как Заедил подавляет кого-то из однокурсников, и никогда не поддерживал такое поведение, так как не видел в этом какой-либо необходимости. Вот и в этот раз ему не понравилось, как Заедил поговорил с тем адептом, хоть тот и в самом деле влез в чужой разговор. Лешарп сам никого не стремился подавить, и его подавить никто не пытался. Он не раз побеждал на конкурсах борьбы, а также прекрасно осваивал чародейское направление. Заедил никогда не пытался задира́ть Лешарпа, несмотря на то, что Лешарп был весьма замкнут в себе, и держался в стороне от общей массы адептов.

Заедил тем временем, вернулся к беседе с ним.

– Предложи ему: – сказал он, и в его голосе угадывались нотки мольбы. – Только так он узнает, на что он способен.

– Почему ты сам не предложишь ему это? – спросил Лешарп.

– Меня он не воспримет как друга, а вот тебя... – Заедил поднял брови, давая понять, что ответ очевиден. – Поговори с ним, ну что тебе стоит?

Через четверть часа, Лешарп нашёл Камирату и рассказал ему про этот странный способ самоутверждения.

– Я согласен! – не колеблясь, ответил Камират. – Он и вправду думает, что этим можно кого-то напугать? – молодой чародей усмехнулся. – Видима, у него самого не хватает духу, туда залезть, потому он и выдвинул такое условие.

– Да, условий-то тут никаких нет, ведь ты можешь отказаться, – попытался отговорить его Лешарп.

– Зачем? – возмущённо воскликнул Камират. – Это отличный способ утереть ему нос.

– Я бы так не спешил на твоём месте, потому что Заедил не так прост, как кажется на первый взгляд. Он интриган, хоть это и запрещено в стенах Лазурного замка, а потому я попрошу тебя подумать, прежде чем давать ему ответ.

– Нечего тут думать, – махнул рукой Камират. – Ночью я поднимусь на террасу выше и принесу доказательства своей смелости. Так ему и передай.

– Передай сам, – ответил Лешарп. – Мне нет дела до ваших игр.

Лешарп покинул его общество и отправился гулять по горной местности. Когда он вернулся в замок, то вновь встретил Камирата. Тот явно был чем-то сильно озадачен. Он сидел на ступеньках пролёта, и тупо смотрел куда-то в стену.

– В чём дело? – спросил его Лешарп. – Ты, никак, опять чем-то встревожен?

– Зря я не послушал тебя, – подавленным голосом ответил Камират. – Нужно было отказаться от этой авантюры.

– Что, Заедил вновь подловил тебя? – садясь рядом, спросил Лешарп.

Камират кивнул.

– Как?

– Оказывается, в соседней группе уже кто-то лазил на террасу выше, и того кто это сделал даже не отругали. Просто отправили обратно и доложили руководству.

– И теперь это не может быть примером для твоего самоутверждения, – монотонно закончил за него Лешарп. – Не печалься, просто забудь эту историю и всё.

– Теперь вряд ли получится, – продолжал скулить Камират. – Особенно после того, что я сказал.

– А что ты сказал? – оживился Лешарп.

– Я сказал, что не побоюсь пробраться на самый верх, но с условием что ночью.

– На самый верх? Зачем ты это сказал?

– Он меня вынудил, – поникшим голосом ответил Камират.

– Как это, вынудил? – не понял Лешарп. – Он же не пытал тебя, в самом деле?

– Я сказал ему, что готов выполнить его условие, а он при всех поднял меня на смех, – жаловался Камират. – Говорит, мол, нашёлся, тоже мне храбрец, этим уж никого не удивишь, говорит. Вот если ты, говорит, на самый верх проберешься, это другое дело. Тогда-то я и сказал ему, что для меня это не проблема.

– Дурак! – резко осудил его Лешарп.

– А что мне было делать, отступить, при всех? Что бы все еще больше надо мной посмеялись? – Камират насутился. – На меня и так уже все косо смотрят.

– Он очень тонко манипулировал тобой, – с легким восхищением, сказал Лешарп. – Предложил безопасную авантюру, а когда ты согласился, он повысил степень риска.

– Я понимаю, – протянул Камират.

– Если тебя поймают на самом верху, то сбросят в самый низ, при чём, скорее всего, прямо с балкона. Там говорят такой контроль, сначала обезвреживают, и только потом выясняют, кто ты, да зачем пожаловал. А придёшь ли ты в себя после того как тебя поймают, это уже другой вопрос, – Лешарп еще раз посмотрел на Камирата, и добавил: – Тебя обязательно поймают, даже не сомневайся в этом.

– Ты мне не поможешь? – С мольбой в голосе спросил тот.

– Даже не думай об этом, – ответил Лешарп. – Это опасно, и не стоит того, что бы за это рисковать.

– Тогда я один пойду, – отчаянно заявил Камират. – И пусть меня схватят, но трусом называть не будут.

Лешарп улыбнулся, глядя на этого дурачка, и ему стало его, немного жаль. Тогда он подумал, что ему, наверное, и самому было бы интересно это ночное приключение. Он иногда любил пощекотать себе нервы, такого рода выходками, правда, ему всегда было на что положиться, в случае неудачи, в отличие от таких адептов, как Камират.

– Ладно, – сказал он, немного подумав. – Я тебе помогу, но с условием, что ты больше не будешь поддаваться на его провокации.

Поздней ночью они вышли из своих палат, и, крадясь, словно воры с награбленным добром, направились на верхнюю террасу. Первые четыре, они миновали легко, и без риска быть замеченными. Выше, – возникли проблемы, но помогло умение Лешарпа. Он отвёл глаза дежурному, который оказался менее силён в этой области, и они вновь проскочили.

На высших ярусах, Лазурного замка не было часовых, однако это не значило, что эта территория не охранялась. По ночам здесь дежурили более сильные чародеи, и они чувствовали присутствие посторонних лиц, по так называемым вибрациям в атмосфере. Таких называли «видящими», потому как они лучше других осваивали это искусство. Секрет их успеха заключался не в их могуществе, а в их повышенном интересе к данному направлению, и ограниченности, по отношению к другим направлениям. Они так дотошно изучали эту область, что увлекались до того, что переставали изучать остальное.

Однако почувствовать чьё-то присутствие – не значит найти шпиона, а значит у молодых искателей приключений, было немного времени, чтобы пробраться к горному уступу, и сорвать цветок, который растёт только на той высоте.

– Я буду отвлекать внимание. – сказал Лешарп. – Когда они за мной рванут, беги вон к той стене. Там ты найдешь доказательство для Заедила.

Как и договорились, Лешарп первым проник на высший ярус, и вызвал на себя внимание дежурных, хорошо, что их было всего двое. Он почувствовал, как они пытаются завладеть его сознанием, словно чья-то невидимая, гигантская кисть, стремилась обхватить его голову, сдавить её, и держать на месте, до прихода стражи. Но он был готов к чему-то подобному, и знал, как противостоять этому воздействию, какое-то время. Этого времени хватило, для того, чтобы увести за собой дежурных, и дать знак Камирату, что ему пора действовать. Когда он увлек их достаточно далеко, он сотворил элементарную вспышку на уровне десяти метров над землёй, и Камират рванул со своего места. Он словно антилопа добежал до нужной скалы, и крепко цепляясь за уступы, стал карабкаться вверх. Найдя нужный ему цветок, он бесцеремонно рванул его вместе с ещё какой-то растительностью, и в два прыжка вернулся на террасу.

Двое дежурных поняли, что посторонних двое, и одни из них оставил преследовать Лешарпа и устремился искать второго. Конечно, он не успел, и Камират благополучно покинул их территорию, даже не думая о том, что Лешарп остался. А Лешарп, тем временем был замечен, в одном из коридоров последнего этажа. Правда это был не дежурный видящий, а старый чародей, в длинном белом одеянии, и седой бородой. Лешарп так сконцентрировался на том, кто за ним гонится, что совершенно глупо прозевал того, кто оказался в трех шагах.

– Что ты тут делаешь? – строго спросил старый чародей, когда увидел молодого адепта.

– Я заблудился, ваша милость, – попытался схитрить Лешарп.

– Врешь! – резко ответил колдун. – Говори, зачем поднялся?

– Я не поднимался, – вновь соврал Лешарп. – Я обучаюсь на этом этаже.

Старик усмехнулся.

– Ты хорошо подумал, прежде чем так нагло врать? – спросил тогда он. – Ведь, если ты проходишь здесь обучение, то это должно означать что ты, по меньшей мере, чародей пятой ступени.

– Так и есть, – не переставал лгать Лешарп.

– В таком случае, давай, – скрестил руки на груди старый волшебник. – Сотвори нечто, что не дано сотворить ученику второй ступени.

Не успел он это договорить, как отрок хлопнул в ладоши и исчез, на его глазах.

Старый чародей нахмурился и стал водить руками по воздуху, там, где только что стоял мальчик. Но, не встретив, никаких сопротивлений, его лицо прониклось уважением, а сразу после этого, в коридоре появился дежурный.

– Вы видели его? – спросил он монотонно, подходя ближе к старику.

– Я-то, видел, – улыбаясь, ответил колдун. – А ты-то, куда смотрел, а, дежурный?

Дежурный потупил взгляд, и только спросил:

– Он туда побежал?

– Забудь, – махнул рукой старый волшебник. – То сорванец простой был, с нижнего яруса.

– Шустрый, – заметил дежурный. – Я за ним едва поспевал.

– За этим уже не поспеешь, – продолжал глумиться старик. – Ступай себе с миром и дежурь дальше. А этот случай пусть останется как есть. Все равно ничего страшного не произошло.

Дежурный послушно кивнул, и вскоре пропал из виду, а старик, улыбаясь, пошёл по своим делам, не переставая удивляться тому, что только что видел.

3. О том, как он перешёл под опеку к новому учителю.

Экзамен был сдан, и нужно заметить, что впечатления о нём ещё долго не дадут покоя всем, кто на нем присутствовал. Лешарп нарушил регламент, он не стал показывать стандартную программу. Вместо этого он продемонстрировал результат своих собственных исследований и открытий. Он собрал в своих руках столько энергии, что смог создать огненную сферу, размером с человеческую голову, после чего раздул её до чуть выше своего роста, преобразовала ее в небольшую арку, и прошел через неё. Потом огненная арка стала уплотняться, и одновременно угасать, превратилась в пепел и рассыпалась, оставляя на мраморном полу горстки угля. Лешарп подобрал один такой уголек в руку и показал комиссии на развернутой ладони. Он был холодным. Так он показал умение концентрировать в себе большую силу, преобразовывать её в нечто, и контролировать то, что получилось. Но на этом его выступление не закончилось. Далее последовали манипуляции с электрическими разрядами, за ними другие, в результате которых было продемонстрировано умение перемещать предметы на расстоянии с места на место, и еще ряд элементов чародейского искусства, не входивших в регламент экзаменатора.

Атмосфера в зале сразу изменилась, так как привычная академическая рутина, превратилась в нечто необычное, давно забытое, яркое мероприятие. Данное зрелище напомнило чародеям времена, описанные в истории становления их деятельности, когда не было регламентов, и каждый показывал то, что умел. С тех пор многое изменилось, так как совет чародеев пришел к выводу, что нужно делать акцент на конкретных направлениях данного искусства. Так были сформированы конкретные требования для практикующих чародейство. На данном экзамене адепт должен показать умение концентрировать в себе энергию. Неважно сколько, главное, что бы это было видно. Затем умение управлять объектами, и еще что-нибудь, на усмотрение воспитателя, или же самого адепта.

Лешарп показал наивысшее мастерство, не свойственное его возрасту. Когда он только начал творить волшебство, у многих замерло дыхание, а к моменту окончания выступления, большинство опытных чародеев аплодировали, не стесняясь хлопать громче обычного.

– Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? – обратился архимаг к своим коллегам.

– Нет ваша милость, – ответил один, с каким-то даже испугом на лице. – В столь раннем возрасте применять столь опасные и сложные заклинания...

– А посмотрите, как искусно он складывает пальцы в огненном знаке, – неожиданно заметил другой.

– Потрясающий ребенок! – не без восторга заметил архимаг. – Кто был его воспитателем?

– Вы удивитесь, но его обучал Талмар.

– Хм, и впрямь любопытно, – ещё раз удивился главенствующий волшебник. – Ведь, насколько я помню, сам Талмар не владеет подобными техниками?

– Не владеет, ваша милость.

– Так как же он смог научить его всему этому?

Никто не ответил архимагу, кто только плечами пожал, а некоторые и этого не сделали.

– Вот как мы поступим, – начал главный чародей, видя недоумение своих коллег. – Вызовите ко мне Талмара, пусть он объяснит, как он смог достичь подобного. – Старый маг поднялся со своего места. – Продолжайте принимать экзамены без меня, вряд ли сегодня будет ещё что-то интересное.

– А как быть с этим адептом?

– Этого звёздного ребёнка необходимо направить в группу к моим подопечным. Всех остальных распределяйте в соответствии с регламентом.

Через некоторое время, наставник Талмар вместе со своим выдающимся учеником двигались на верхний ярус Лазурного замка. Здесь жили самые влиятельные и выдающиеся чародеи этого края. Именно они осуществляли власть и контроль в этих землях. Среди населения острова была, как знать, так и простой люд, но все они одинаково кланялись в пояс при виде того, кто творит волшебство.

Они дошли до кабинета Талимира – того, кто являлся архимагом и верховным правителем.

– Подожди здесь, Лешарп, – сказал Талмар ученику, и вошёл внутрь.

– Приветствую тебя Толмар, – сказал архимаг, не вставая со своего кресла. И не дав поприветствовать себя, сразу перешёл к делу. – Сегодня я видел, как твой ученик сдавал экзамен, и не смог не удивиться его превосходным умениям. Скажи, как тебе удалось научить его тому, что тебе самому не под силу? – глаза архимага пристально смотрели на Талмара.

Молодой наставник немного растерялся, так как не понимал, что ему лучше начать делать, приветствовать архимага, или сразу начать отвечать на вопрос. Талимир ждал, и по его взгляду стало ясно, что ждёт он отнюдь не поклонов и фамильярностей.

– Я не учил его, о, Мудрейший, – ответил молодой наставник. – Когда Лешарп попал под мою опеку, то уже мог делать то, что было не под силу его ровесникам. Когда он освоил эти техники, я затрудняюсь вам сказать, потому, как для меня это была такая же неожиданность, как и для всех кто там присутствовал.

Талимир сдвинул брови и поднялся с места.

– Выходит, ты не знал о том, что он собирается показать на экзамене? – спросил он, в задумчивости прохаживаясь по кабинету.

– Нет, ваша милость. Я ждал увидеть стандартную программу, которую показывают все в его возрасте.

Талимир понимающе покивал головой, немного подумал, и спросил:

– В каком возрасте он попал к тебе?

– Совсем мальчиком, ваша милость, не более пяти лет. До меня его обучал наставник Дорсила, но после его смерти...

– Да, да, я помню, – не дал договорить архимаг. – У него была такая большая группа, что её пришлось поделить на две. Он и твоим учителем был, кажется?

– Да, ваша милость, – ответил Талмар.

– А почему я только сей час слышу про этого молодчика? – немного подумав, спросил вновь архимаг.

– Лешарп, безусловно, талантлив и силен, – начал Толмар, – однако в нём есть нечто, что может помешать ему, достичь высшего просветления.

– Правда? И что же это за недуг такой? – Талимир как будто не верил, или насмехался.

– Я не знаю, ваша милость, – вновь кланяясь, ответил молодой наставник. – Я долго пытался понять что это, и как с этим бороться, но всё безуспешно.

На лице архимага отразилось выражение скепсиса и скуки. Потеряв интерес к своему собеседнику, он вернулся в свое кресло, криво ухмыльнулся и проговорил:

– Раз у тебя не получилось разгадать эту загадку, значит, этим вопросом должен заняться некто более, опытный. Не так ли?

– Вы совершенно правы, – вновь поклонился Талмар.

– Теперь я и мои помощники будут заниматься его воспитанием, продолжал старый чародей. – Мы попробуем понять, что с ним не так, и устранить этот недостаток.

Наставнику Талмару ничего больше не оставалось, кроме как поклониться и уйти, несмотря на то, что в голосе мудрейшего, помимо рассудительности, легко угадывалась интонация насмешки, и даже какой-то брезгливости.

4. Неуправляемый

Прошло несколько лет, с тех пор как юный Лешарп сдал свой первый экзамен. За это время он стал выше ростом, шире в плечах и на много мудрее и сильнее, чем был раньше. В группе, что он обучался, было много выдающихся учеников, и, несмотря на то, что все они были старше Лешарпа, никто из них не превосходил его в мастерстве, и более того, некоторых Лешарп уже переплюнул.

О его способностях начали распространяться слухи по всему замку, а младшие воспитанники стали ровняться на него. Некоторые, даже стали пытаться демонстрировать свою программу на экзаменах, и среди таких были те, которым это удавалось, и их определяли на более высокие уровни, нежели тех, что продолжали следовать регламенту.

Сам Лешарп никогда не стремился стать чьим-то идеалом, а потому спокойно относился к тому, как некоторые перешептываются у него за спиной, всякий раз, как он проходит по коридору. Лешарп усердно занимался, и при этом находил время погулять среди простого люда, как он это любил делать и раньше. Не все учителя одобряли это, но в виду того, что он был учеником архимага, другие магистры не могли запретить ему подобные прогулки. Для этого нужно было поднять вопрос на совете, а для того, должны быть серьезные основания.

Талимир не запрещал ему гулять в свободное от лекций время, однако он не очень хорошо относился к тому, что Лешарп предпочитает общаться по большей части с простыми людьми, нежели со знатью. Он, как-то раз посоветовал ему, держаться ближе дворцов, но Лешарп уже тогда дал ему понять, что среди деревень ему больше нравится. Архимаг не придал этому большого значения, «пусть гуляет, где хочет, на его успеваемости это не сказывается», подумал тогда он.

Но однажды, на собрании, которое состоялось совершенно по другому поводу, один магистр поднял вопрос о том, что бы запретить Лешарпу гулять в тех рамках, в каких ему это дозволено. И основанием послужил тот факт, что Лешарп, будучи столь выдающимся, показывает плохой пример более молодым адептам.

– Мои воспитанники, в открытую, говорят, что собираются стать такими же способными как Лешарп, – заявил как-то один из наставников, которого звали Гурдиен.

– И что же в этом плохого? – спросил Талимир.

– Плохого в том, столько же, ваша милость, сколько и хорошего, – не замедлил с ответом Гурдиен. – Ведь что бы стать таким как он, они изволят вести себя так же. А это подразумевает постоянные прогулки по лесу, и походы по деревням.

Талимир едва заметно улыбнулся.

– Я считаю – продолжал Гурдиен. – Что Лешарп показывает не лучший пример для детей, и его следует ограничить в перемещениях по острову. В конце концов, я не совсем понимаю, почему ему дозволено больше чем другим.

– Почему вы считаете, что Лешарпу дозволено больше? – спросил Талимир, холодно глядя на Гурдиена.

– Пусть ваша милость меня извинит, если я позволил себе лишнего, – учтиво начал Гурдиен. – Но если я не ошибаюсь, то другие ваши подопечные не обладают такой свободой в перемещении.

– Вы ошибаетесь, – спокойно ответил архимаг. – Все мои подопечные, вольны гулять столько, сколько захотят.

– Как же так? – не поверил магистр. – Я не видел что бы кто-то другой из вашей группы, прогуливался во время занятий. Извините за прямоту, ваша милость.

– Я не обязан отчитываться перед вами, касательно моих способов воспитания, – так же спокойно начал отвечать Талимир. – Но учитывая то, как вы сильно возбудились, уважаемый коллега, я считаю своим долгом вас успокоить.

Присутствующие, улыбками оценили вступительную речь архимага.

– Мои подопечные, – продолжал он, – могут прогуливать занятия. Они могут делать, всё что захотят, лишь бы это не сказывалось на их успеваемости. Если мой ученик считает что ему лучше сегодня погулять, – он идет гулять. Если хочет развлечься с женщиной – я не стану удерживать его. Для меня главное создать комфортные условия для обучения, потому что уровень моих подопечных отличается от уровня ваших. Мои ребята, – Талимир сделал паузу. – Уже не дети, не смотря на их юный возраст. И к ним уже нельзя применить то, что применяется по отношению к вашим, детям. А если мои подопечные начнут лениться и злоупотреблять предоставленными условиями, они очень быстро перейдут под опеку другого мастера, и они это прекрасно понимаю, и потому, прогуливают занятия лишь тогда, когда действительно чувствуют в этом необходимость. В конце концов, они практикуют искусство самоконтроля и самопознания, и умение определить свою потребность, является так же неотъемлемой частью этих направлений. Я знаю, что они являются хорошими специалистами в данных областях, и потому, доверяю их чувствам и самонаблюдениям. Такова моя программа обучения, и вносить в неё какие-либо изменения, я, пока, не собираюсь.

– Тем более, когда речь идёт о Лешарпе, – добавил к сказанному другой, более старый магистр, который был не столько учителем, сколько хранителем библиотечных ценностей.

– Как понимать ваше дополнение, – нахмурился Талимир, но в голосе его прозвучали нотки праздного любопытства.

– Его способности очень велики, – невозмутимо ответил старик. – И ограничиться простым запретом, будет просто смешно.

– Что вы такое говорите? – возмутился Гурдиен. – Как запреты Лазурного замка могут быть кому-то смешными? Если только этот ваш Лешарп совсем не чтит порядок, что был установлен в этом замке много лет назад?

– Читит, – ответил старый библиотекарь, – Но свои интересы ставит выше него.

– Мне кажется, что ваше убеждение, подкрепляется лишь неспособностью обуздать этого наглеца, – язвительно сказал Гурдиен. – Таким образом, вы говорите, что будь он вашим подопечным, вы бы с ним не совладали?

– И вы не ошибаетесь, – ответил опытный маг. – Только я говорил не про себя, уважаемый коллега, а про всех присутствующих здесь, вне зависимости от уровня мудрости.

– Весьма смелое заявление, – прокомментировал Талимир. – Особенно странно это слышать от вас.

– Боюсь, мэтр Талимир, что мы столкнулись с очень редким случаем, – разводя руками, сказал тот. – Не думаю, что в нашей библиотеке отыщется много аналогичных упоминаний. И я, не стесняясь об этом заявляю, потому что у меня есть основания так говорить, ваша милость. Неужели вы думаете, я позволил бы себе неаргументированную речь на столь важном заседании?

– Ну, будет вам, ехидничать, – по-отечески попросил архимаг. – Выкладывайте свои аргументы, уважаемый коллега, не томите нас.

– Как вам известно, я не веду лекции ни у Лешарпа, ни в других группах, а занимаюсь здесь другими вопросами, – начал старый чародей, не вставая со своего места. – И в связи с этим, у многих может возникнуть впечатление, что я мало знаю об этом юноше. Однако я заметил его, ещё до того, как он сдал свой первый экзамен. Я расскажу вам одну историю, в которой мне довелось встретиться с этим талантливым удальцом, когда он был ещё ребенком.

В ту ночь, мне как обычно не спалось, и я, начитавшись старых рукописей, и погруженный в размышления, бродил по коридорам этого этажа. В одном из них, мне повстречался вос-

питанник, который был слишком мал, для того, что бы находиться на столь высоком уровне. Он был мне чуть выше пояса, худощавый и неокрепший мальчишка. Однако когда я спросил у него, что он тут делает, он начал нагло врать, будто он проходит обучение именно здесь. Я, конечно, ему не поверил, и в доказательство попросил его, продемонстрировать, то чему его тут научили. Не успел я договорить, как парень хлопнул в ладоши и попросту исчез с моих глаз.

В зале повисла тишина.

– Исчез, стал не видимым, что ли? – скептически спросил Гурдиен.

Библиотекарь, лишь едва заметно усмехнулся, в ответ, и пригладил свою седую бороду.

– Вы предполагаете, он переместился? – хмуря брови, спросил Талимир.

– Именно, ваша милость, – уверенно подтвердил старик.

– Но, как это возможно? – возмутился Гурдиен. – В столь раннем возрасте...

– Уже тогда я задумался над тем, каких высот достигнет этот мальчик, когда ему исполнится, скажем, восемнадцать, – продолжал старый волшебник, не замечая возмущения своего коллеги.

– Почему вы не доложили мне об этом? – вновь нахмурился архимаг. – Молчите? А я вам отвечу. Ваша бескрайняя чувствительность к детям, не знает границ на столько, что вы сами готовы потакать им в нарушении дисциплины.

Старый чародей только улыбнулся и развел руками.

– Всё-таки, правильно я сделал, что не допустил вас к обучению детей, – продолжал отчитывать его Талимир. – Могу себе вообразить, на сколь неуправляемыми были бы ваши подопечные.

– Как бы там ни было, – выдержав паузу после взыскания, продолжал старый чародей. – Я хотел бы услышать рассказ о том, как вы собираетесь ограничить в передвижении этого паренька, если, будучи самым младшим в своей группе, он уже является, более могущественным, чем половина чародеев, сидящих в этом зале?

5. Запрет на Любовь

Кто запретил чародеям любить?

На этот вопрос трудно ответить точно, по ряду причин, главной из которых является тот факт, что никто не помнит, когда и почему возникли такие ограничения. Однако на этот счет существует несколько версий, создателями которых являются современные чародеи. Эти версии даже не стоит озвучивать, потому как все они однотипны, и основаны на рассуждениях и фантазиях их создателей. Но, если кратко ознакомиться с их содержанием, то речь пойдет о безответной любви, которую пережил тот или иной рассказчик.

Если ученик спрашивал, «почему чародеям нельзя любить?», то в качестве ответа слышал душераздирающую историю о том, как некто могущественный встретил прекрасную деву, и в результате долгих душевных переживаний, растратил на неё весь свой потенциал.

Когда же ученик спрашивал «что такое любовь?», то ему рассказывали о злом энергетическом выплеске, который преобразуется, под воздействием неуправляемых чувств чародея, и пагубно сказывается на его развитии. Чародей, который заболел таким людским недугом, никогда не достигнет больших успехов.

И так повелось издавна, – чародеям нельзя испытывать, или пытаться испытывать подобные чувства, потому как они мешают духовному развитию и ведут к магическому регрессу.

Если же ученик, все-таки, начинал испытывать подобные ощущения, то таких облагали различными обязанностями, в результате исполнения которых, он подавлял свою страсть. Если и это не помогало, то подобных воспитанников называли неуправляемыми, изгоняли, и при-давали смерти.

На столь серьёзен был этот запрет, что никто не решался его приступить, а рассказы про то, что любовь это страшное заболевание, и вовсе вызывали в молодых волшебниках стремление пресечь подобное помешательство.

Не раз у дверей Талимира и других магистров собирались молодые воспитанники, что бы поделиться своими ощущениями, и убедиться, что это не любовь оказывает на них столь странное воздействие.

О том, что простые люди любят и стремятся полюбить, чародеи знали, и именно этим объясняли своим ученикам, их неспособность творить волшебство. «Они любят, потому не колдуют».

Запрет на любовь, по словам самих чародеев, являлся чем-то вроде способа уберечь более достойных в этом мире, от напастей извне, которые одолевают сознание всего человечества. Что касается других отношений с женщинами, тех за которыми приходят завсегда-тае в дома удовольствий, то здесь дело обстояло иначе. Эту потребность чародеи разрешили, построив свой дом удовольствий, и посещали его, когда возникала необходимость.

Лешарп не ходил по публичным домам, не смотря на то, что красота тамошних девушек не знала конкуренции. Если он жаждал женского внимания, то ему было достаточно зайти в любой город и аккуратно заявить об этом. Он был красив лицом, и сложен как участник физических состязаний. У него был утонченный продолговатый нос, большие карие глаза и открытая добрая улыбка. Что касается доброты, то ей Лешарп был наделен до такой степени, что некоторые считали, что её было слишком много. Другие, правда, говорили, что доброта к простому люду, это вообще лишнее качество для чародея.

Он был слишком не похож на остальных воспитанников, что бы верить всему, что ему говорят. Он был слишком любопытен для слепой доверчивости, а потому ему обязательно нужно было самому во всем убедиться, и сделать собственные выводы. По этим же причинам ему был не ведом страх перед любовью, и рассказами, о ее воздействии.

Однажды, он как обычно, прогуливался по деревенским окрестностям, и собирался искупаться в реке. Там, возле берега, он услышал, как кто-то поет, и пошел в ту сторону, откуда раздавался голос. Обладателем этого голоса была определенно девушка, так как тембр его был высок, и нежен. Подойдя к тростнику, он затаился и стал слушать. Сидя на зеленой траве, он наслаждался чудесным пением, какое-то время, как вдруг девушка замолчала.

Лешарп поднялся на ноги.

– Спой еще, – сказал он, просто.

Девушка резко обернулась, и тоже поднялась.

Она была примерно одного с ним возраста, и чуть ниже его ростом. У нее были необычного цвета глаза, которые в данный момент оценивающе смотрели на него, а ее губы слегка приоткрылись и замерли от удивления и неожиданности.

– Спой еще, пожалуйста, – попросил вновь Лешарп, аккуратно делая один шаг в ее сторону.

Девушка отпрянула назад, задев деревянное ведро с постиранным бельем, что она принесла с собой.

– Не бойся меня, – добродушно сказал Лешарп. – Я не причиню тебе вреда.

– Ты чародей? – с опаской в голосе спросила она.

– И что из этого? – Пожал плечами Лешарп.

Девушка ничего не ответила, только собрала свои вещи и поспешила покинуть его общество.

– Прости, если я напугал тебя, – виновато сказал Лешарп. – Просто мне понравилось, как ты поешь.

Девушка остановилась на мгновение, в ее глазах легко читалась предосторожность и недоверие. Но задержав на нем взгляд чуть дольше, она стала поправлять свои белые волосы, которые не очень опрятно были собраны у нее на голове.

– Мое имя Лешарп, – делая еще шаг в ее сторону, сказал он. – А тебя как зовут?

Тогда, она убежала, так и не назвавшись.

На следующий день Лешарп вновь пришел на тот берег, но никого не встретил. Немного разочаровавшись, он пошел прогуляться вдоль берега, и там, ниже по течению, он вновь услышал знакомый голосок.

Теперь он не стал подкрадываться, подошел со стороны берега, затем остановился, за пять шагов и громко поздоровался.

Девушка обернулась, по ее глазам он понял, что она его узнала.

– И ты будь здоров, ваша милость! – поприветствовала она его, и поклонилась.

– Я не «ваша милость», меня Лешарпом зовут.

– Как скажешь, – послушно ответила она.

Лешарпу не понравилось, то, что она ему клонится. Не такого разговора он ожидал. Он сконцентрировался на своих чувствах и легко ощутил исходящий от нее страх.

– Не бойся меня, пожалуйста, – попросил он. – Я не причиню тебе вреда.

– Ты что-то хочешь от меня? – с опаской в голосе спросила она.

Лешарп не ответил, и тут же почувствовал, как растет ее волнение.

– Прости, что вчера я убежала, – продолжала осторожно говорить она, – Это было не вежливо по отношению к тебе, ваша ми..., – и она закрыла рот ладонью.

– Почему ты боишься меня? – задал вопрос Лешарп. – Потому что я чародей?

Девушка молча стояла, прикрыв рот ладонью, не в силах, что-либо сказать. Страх, настолько завладел ее волей, что она оцепенела.

Уже не нужно было быть чародеям, что бы понять, что она его боится, это бы определил каждый, у кого есть зрячие глаза. Лешарп, ясное дело, тоже видел ее испуг, только не мог понять, с чем он связан.

– Может тебе требуется, какая-то помощь? – спросил тогда он. – Скажи, не бойся, я помогу. Мне ничего не нужно от тебя. Я только хочу, что бы ты перестала бояться.

Девушка продолжала молчать, не сводя с него испуганных глаз.

– Тебя кто-то обидел? – Спросил он, делая маленький шаг в ее сторону.

Она помотала головой, ее глаза следили за его ногами.

– Если ты меня боишься, я уйду, – замечая движение ее зрачков, сказал он.

В этот момент он почувствовал, как она затаила дыхание, словно ожидала чего то.

– Хорошо, я уйду, – сказал тогда он, разводя руками. – Но если тебе понадобится помощь, найди меня в Лазурном замке. До свидания.

Он сделал два шага назад, потом повернулся к ней спиной, и стал уходить, не оборачиваясь, надеясь, что она окликнет его. Но нет, она его не позвала.

На этом их общение не закончилось, через четыре дня, он увидел ее на одном из городских рынков. Она шла с корзиной вдоль прилавков, интересуясь выставленным товаром, периодически вступая в разговор с тем или иным торговцем.

Лешарп к тому времени, уже было, выкинул ее из головы, но когда увидел вновь, интерес опять к ней проявился. А чем он был вызван? По началу, ему просто понравилось, как она поет, а когда она испугалась и убежала, он почувствовал себя виноватым. Ему захотелось как-то загладить свою вину, и выяснить, что ее так в нем пугает. Теперь он смотрел на нее иначе. Теперь он замечал в ней какую-то привлекательность, и, глядя на нее, он непроизвольно улыбнулся.

Лешарп пошел за ней, наблюдая, как она выбирает специи, как вдруг увидел, что какой-то человек, в дорогой одежде, бесцеремонно оттолкнул ее в сторону и стал разговаривать с торговцем. Лешарп немедленно поспешил к ней.

– Здравствуй, красавица! – сказал он, преграждая ей дорогу.

– И тебе здравствуй, ваша милость, – ответила девушка, учтиво кланяясь.

Все кто мог видеть это, стали обходить их стороной и озираться.

– Я увидел, что ты хотела что-то купить у этого торговца, – сказал он. – Почему не купила?

Девушка немного подумала и ответила:

– У него нет, того что мне нужно.

– А не потому, что тот человек оттолкнул тебя в сторону?

Девушка повернулась, посмотрела на незнакомца в дорогой одежде, и замотала головой.

– Ты слышала, что чародеи знают, когда им говорят неправду? – спросил тогда Лешарп.

– Пусть ваша милость извинит меня, – едва слышно ответила она. – Я просто...

– Испугалась, – закончил за нее чародей.

Девушка кивнула.

Лешарп бесцеремонно взял ее за руку, и повел в сторону того самого незнакомца в дорогой одежде. Подойдя к нему, он сильно толкнул его в плечо, от чего тот немедленно опрокинулся на землю, а люди вокруг, словно замерли, в оцепенении.

Лешарп же, не обращая ни на кого внимания, обратился к торговцу:

– Чем торгуешь, и сколько хочешь за свой товар?

Человек покорно поклонился и ответил:

– Пусть ваша милость извинит меня, но у меня лишь специи да приправы. Если ваша милость пожелает чего-то из того, чем я богат, то окажет мне большую честь.

– Специи, приправы? – нахмурился Лешарп. – Что это?

Торговец замаялся и ответил:

– Может, ваша милость хочет сделать заказ? Тогда, не лучше будет обсудить условия с вашим слугой?

– У меня нет слуги, – спокойно ответил чародей. – Чем советовать, что мне делать, лучше расскажи, что это такое, – он указал пальцем на одну из горстей, лежащих на прилавке.

– Это перец, – ответил торговец.

По лицу Лешарпа было понятно, что это слово он слышит впервые.

– Ваша милость, – неожиданно заговорила с ним девушка. – Давайте я объясню.

– Как смеешь ты поучать творца волшбы! – негромко заметил ей кто-то, стоящий за соседним прилавком.

Лешарп в ответ только посмотрел на него тяжелым взглядом, и тот немедленно убрался с глаз долой.

– Я весь во внимании, – мягко проговорил он, возвращая к ней свой взор.

– Это специи, ваша милость, – ответила она. – Эти порошки добавляют в еду, для того что бы она немного поменяла свой вкус. Вот этот, скажем, делает ее солёной, а вот этот горчит.

– И зачем это? – спросил он, в недоумении.

– Для удовольствия, – лживо улыбаясь, ответил торговец.

Лешарп посмотрел на него с ещё большим непониманием.

– Ты что-то хотела приобрести? – указывая на прилавок, спросил он, вновь обращаясь к девушке.

Та молча подошла к торговцу, и назвала три незнакомых Лешарпу названия, и тот принялся отвешивать на весах товар.

Лешарп повернулся, и увидел человека в дорогой одежде, которого только что опрокинул на землю. Тот стоял неподалеку, испуганно ожидая, непонятно чего.

– Подойди, – как бы, попросил Лешарп.

Человек нехотя стал перебирать ногами в его сторону.

– Звали, ваша милость? – спросил он, будучи рядом.

– Знаешь, почему я тебя толкнул?

Человек перевел взгляд с чародея на девушку, кивнул и принялся извиняться:

Из того, что он говорил, Лешарп уловил, что он считает себя виноватым за то, что не понял, не знал, что эта особа, знакома с чародеем, и знай, он об этом, никогда бы так не поступил.

– Заткнись немедленно, – с презрением посоветовал ему Лешарп. – Уйди с глаз долой, ты мне стал еще больше отвратителен.

Девушка с интересом наблюдала за происходящим. Раньше она не видела, что бы чародей вступался за простых людей, против слуг знати. Обычно они старались не лезть в их взаимоотношения.

Купив всё необходимое, она засобиравлась домой.

– А где ты живешь? – спросил Лешарп.

Она указала направление.

Лешарп больше не чувствовал исходящего от неё страха, и это его сильно обрадовало. Он предложил ей проводить её, и она согласилась.

По дороге она перестала называть его «ваша милость», и это еще больше повысило его настроение.

– Почему ты заступился за меня? – спросила она.

– Потому что он был не прав, – не задумываясь, ответил Лешарп.

– Как же не прав? Простые люди должны уступать дорогу знатным господам, и тем, кто им служат.

– Он должен был подождать, – ответил чародей. – А вместо этого он решил воспользоваться тем, что сильнее. В следующий раз будет думать, как себя вести с незнакомцами.

– Он не должен был ждать, – не согласилась девушка. – Это же закон такой.

– Кто его установил? – спросил он.

– Давно так заведено. Чародеи самые главные, потом идут знатные господа. Неужели ты не знал?

Конечно, Лешарп знал, чем отличаются простые люди от принцев и других вельмож, просто раньше, он никогда не обращал внимания, на их взаимоотношения. На её вопрос он не ответил, да она, собственно, не настаивала.

– Почему ты так испугалась меня, тогда, у реки? – спросил он чуть позже.

– Я раньше не общалась с чародеями, – ответила девушка. – Я много раз видела некоторых из вас, но это было в городе. Обычно, никто из вас не спускается к деревням и селам.

Она замолчала.

– Ты опять начала меня побаиваться, – заметил он ей. – Не бойся, продолжай.

– Люди говорят, что когда приходит чародей, – быть беде.

– Почему?

– Потому что так всегда раньше было. Так люди говорят.

– Да мало ли чего они говорят, – возмутился Лешарп. – Вот я пришел к тебе на реку, и что?

– Люди говорят, что беда приходит по-разному. Одна сразу, другая потом.

– Да не слушай ты их, – попытался отмахнуться чародей. – Глупости всё это.

– Мы давно живём по нашим старым обычаям, – начала объяснять девушка. – Эти обычаи придумали наши предки, они были очень мудрые люди. Слушаясь их наставлений, мы существуем уже много лет. Благодаря их научению, мы умеем возделывать землю, сажать зерно, охотиться, ловить рыбу, строить дома, пасти скотину, готовить еду, растить детей, и многое другое...

– И они сказали, что с чародеем приходит беда, – закончил Лешарп.

– Есть истории, которые пересказываются из поколений в поколения...

– И что же в них говорится? – скептически спросил он.

– Давным-давно, – начала рассказывать она, – в наше поселение пришел странник. Он был одет в ваши одежды, хотя было видно, что он прошел долгий путь. Он постучался в дом человека, которого звали Рукич, и попросился на ночлег. Рукич впустил незнакомца, но принять гостя как подобает не смог, так как жил очень бедно. Ночью его дом загорелся, а незнакомца того, больше никто не видел.

– Пожар успели потушить, или дом прогорел совсем? – спросил Лешарп.

– Потушили, наверное, – неуверенно ответила она.

– Если бы успели потушить, то внутри должны были остаться тела.

Девушка пожала плечами и ответила:

– Про это в наших, историях не сказано. Ты что мне не веришь?

– Верю, – добродушно ответил Лешарп. – Только эта история ничего не доказывает. Одежду чародея мог надеть кто угодно, это просто дорогая ткань, которую можно купить. Дом мог загореться от чего угодно, и тот странник мог быть к этому не причастен. А если ты говоришь, что не знаешь, нашлись ли потом тела, то этот ночной гость мог сгореть вместе с хозяином.

– Ничего ты мне не веришь, – с обидой в голосе сказала она.

– Я верю в существовании этой истории, и в то, что такое могло быть, просто эта история мало что доказывает. Может, есть другая?

– Есть, – тут же оживилась девушка. – Мне рассказал её мой отец.

– А ему её кто рассказал?

– Никто, он видел всё своими глазами.

– Эта история должна быть интереснее предыдущей, – не шутя заметил чародей.

– Он рассказывал, – начала она, – жил как-то в нашем поселении один старый и очень загадочный человек...

6. История, что рассказывал ей отец

«Загадочным он человеком был, удивительным. Люди имени его не знали, а называли стариком-дровосеком, потому как в лес он часто бегал и с вязанкой возвращался. Вот только никто не верил, что он туда за дровами ходит, потому, как подолгу пропадал.

Уйдет, бывало, на три дня в лес, и не знает никто, где его носит. А он вернется с худой вязаночкой, которой дом то не протопишь, как следует, положит их рядом с лавкой у своей избы, да забудет. У него народ спрашивает, где он был, а он вязанку схватит в руки, потрясет, потрясет, бросит, да уйдет к себе, а про дрова и забудет.

И вряд ли кто-то обратил бы на него внимание, мало ли чудаков живет в Залесице, если бы не одна особенность. Таскалась с ним всюду девчонка-сиротка, трех лет от роду. Он сразу с ней в поселении появился. Откуда он приехал, кем был раньше и кто эта малютка рядом – никто не знал. Старик её дочкой называл, а про мамку её, никому, ничего не рассказывал, и на вопросы, про то, не отвечал.

Эта девчонка всюду с ним: он в лес – и она рядом; на речку идёт – и она тут как тут. Соседи ему предлагали, мол, не мучай дитя, старый, пускай у нас в избушке переждёт, пока ты там по лесу нагуляешься. Но он ни чьих советов не слушал. Старик тот, сам себе на уме был. Дочурку на руки, сумку на плечо и пошел, только его и видели.

И что он делал там, никто тоже разузнать не мог. Было дело, хотели охотники проследить за ним, без злого умысла, а интересу ради, куда дровосек с дочкой ходит. Да только не получалось у них, сколько ни старались. Он как в чащу заходит, так его и след простыл. Словно не ходил тут никто и никогда.

Да и был ли он стариком, вот вопрос? Внешне сухой – да жилистый; борода седая – да спина прямая; вроде старик дряхлый – а силы в нем столько было, что никто из молодых не взялся-бы с ним тягаться.

Он когда избушку свою строил, бревна дубовые на своих плечах из лесу носил. Тогда ещё, помню, два молодца крепких, попробовали на двоих бревно то поднять, да чуть не надорвались разом.

Загадочный старик тот был, силой быка обладал, ловкостью тигра, и при том добротой своей славился до самой Краюшицы. Всегда был готов помочь, его даже просить не о чем не надо было, и главное мастером он был на все руки. И как у него всё удавалось, все только удивлялись да спрашивали.

Так и жил он с дочкой в своей избе, не знал бед, дружил с соседями, и они его почитали, не взирая, на его странности. А странностей у него было не мало, например имени дочки своей он никому не сообщал. Люди, поначалу, тоже, дочкой её звали, а когда ей пять годков исполнилось, – Леснянкой кликать начали, за то, что в лесу чаще, чем дома бывала. То по грибы, то по ягоды, то просто погулять пойдет, то силок на зверя проверить. А чудная была, вся в старика. Люди видали, сядет на опушке, на солнышке, глаза закроет, и шепчет себе чего-то. Потом встанет, потянется как котенок на печке, засмеётся и побежит, сломя голову через лес. Ещё оговорили, будто с деревьями она беседы вела. Идет себе по лесу, и вопрошает что-то, потом, вроде как прислушается, словно ответ слышит, и опять что-то спрашивает. Так-то оно и не понятно было, с деревьями она разговаривает, или сама с собой. Но люди такой вывод сделали, потому что среди домов да огородов она так не чудила.

В общем, любила девчонка лес, там-то, она и повстречала, как-то раз, молодого парня, по имени Колич. Ей тогда уже четырнадцатый год шел, если верить словам дровосека, конечно. Колич ей приглянулся, она ему глазки-то и подстроила. А девчонка она видная была, и Колич, будь не дурак, стал за ней ходить. Старик про их знакомство сразу узнал, с первого дня. Он

человек был мудрый, и проницательный, хоть порой и казался легкомысленным. Он не стал строить им препятствий, а только наблюдал иногда со стороны, всё ли в порядке.

Колич парень не из местных был, а с восточного побережья. К нам в Залесицу он работать приехал, да так славно трудился, у нашего старосты, что тот его отпускать не захотел. Колич у него жил да работал. А как день к концу подходит, он ко двору дровосека бежит, да Леснянку высматривает.

Через две зимы сыграли свадьбу, гуляния было не большим, так как год выдался не урожайным, а оброки с поселений не уменьшились. Но не столом был сыт народ в тот день, а радостью за молодых. Колич в свои края возвращаться не захотел, так что у старика жить стал. Да и чего ему возвращаться, то? Кто пути долгого не боится, все бегут с того побережья. Нехорошее там место, и земля не урожайная.

На пару со стариком, избу новую пристроили к тому дому, что уже был, и стали они жить уже большим числом. Как положенный срок вышел, родила Леснянка Количу здорового сына. Старик в ту ночь, был сам на себя не похож. Никто его тогда не видел таким счастливым. А когда у него спросили, как, мол, внука назовёшь, тот сразу принял серьёзное выражение лица и ответил, «пока что внуком буду звать, а потом, как люди скажут». Колич такому имени не сильно был рад, но противоречить дровосеку в поселении никто не брался, так как решения его, уже не раз были отмечены людьми как мудрые и справедливые.

И все у них было хорошо, и малыш не хворал, подрастал, как следует, и дом был убран и стол не был пуст, да только Колич что-то стал умом слабеть. Сначала из дома убежал посреди ночи, и в ужасе носился по окрестностям, бормоча какую-то неразбериху. А потом и вовсе спрятался в лесу, и домой не возвращался.

Люди ходили к нему, пытались разговаривать, а он как будто сам не свой, всё неясности какие-то рассказывает. Начнёт про одно, потом про другое, а потом и совсем говорить перестанет, упадет на землю и давай рыдать. Кончалось всё всегда одинаково, он сначала замолкал, потом молча поднимался с ужасом в глазах, а потом убежал куда-то в лес. Это продолжалось несколько недель, до тех пор, пока старик с дочкой и внуком не пришли к нему сами. Уж как ему дровосек голову поправил, никто не знает, но Колич из лесу послушно вернулся домой, и с тех пор больше не убежал. Как прежде, он, правда, не стал, но зор его стал более ясным. Через пару недель он вновь начал говорить с людьми, но всё сразу подметили, что другим стал Колич, – кротким и молчаливым.

Пришло время оброк собирать для знати, и люди начали готовиться ждать сборщиков. Однако приехали не посланцы, а сами господа, в сопровождении своей гвардии, и ещё одним человеком, который прятал свое лицо под плащом. Люди догадались, что это был чародей, по его одежде и тому, какое внимание ему уделяли все приехавшие.

Знать приняла дань, и всё добро, как положено, погрузили на специально подготовленные телеги. Потом господин, как обычно, стал интересоваться у старшего по селу, всё ли у них ладно, да не приключалось ли странностей каких-нибудь.

Старосте поведать было нечего, кроме волков, что скот таскают, да дикого вепря, что двух людей порвал. А знатный господин, тогда наклонился к нему с лошади, да спрашивает: «Люди странные тебе не встречались, или, умом слабые, у тебя тут не живут?». Староста пожал плечами, и, вспомнив про Колича, указал на его дом. Услышав это, чародей как будто ошпаренный рванул по указанному направлению. А дальше... никто толком не знает, что происходило в доме у Колича. Да и Колича там самого не было, он тогда к реке отправился.

Люди видели, чародей в дом зашел, да пробыл там не долго. Вылетел во двор, распахнув входную дверь, собственным хребтом, словно его лошадь лягнула. Чародей, не был бы тем, кем был, если бы остался лежать на земле. Поднялся, на ноги, и, не мешкая заковылял к своей лошади. К тому времени появился дровосек в дверном проеме своей избы. Чародей его как увидел, так и рванул скакуна в сторону гвардии да знати. Остановился рядом с ними, и сказал,

что вернется в другой раз. Господин предложил, было, ему помощь, а тот только щекой дернул и ответил «побереги людей», после чего погнал, туда, откуда приехал. Знать тоже не стала задерживаться, взяли телеги, и убралась восвояси, толком и не погостив.

Старик-дровосек, проводив их всех тяжелым взглядом, вернулся к себе. Потом взял Леснянку с внуком, закинул на плече походный мешок, вышел со двора, и направился в лес.

В ту ночь, мне чего-то не спалось, все вспоминал, что наметни было. Лежу себе на тюфяке из соломы, да слушаю, как сверчок стрекочет. Вдруг, ни с того, ни с сего, псы залаяли на окраине, примерно там, где дом старика располагался. Сначала я и ухом не повел, а потом к собачьему лаю, голоса человеческие добавились. И слышу, кричит вроде кто-то. Я в окно выглянул, и вдруг, зарево вижу на небе. Худо дело, думаю, пожар. Я, понятное дело, вскочил, во двор выбегаю, и точно, где-то загорелось что-то. Я давай народ подымать. Люди быстро повыскакивали, и все туда. Прибегаем, а там, дом старика горит, ярким пламенем, а старик весь переломанный во дворе лежит, да кровью дышит. Народ кто куда, носится с водой, я рядом со старостой стою, на дровосека гляжу, а он как раз дух испустил, а изо рта у него пена красная вытекает. Жутко мне сделалось тогда. Вижу люди, бегают, староста им указания дает, что бы пожар тушили. И тут ко мне слух вернулся, и слышу, прокричал кто-то: «А Леснянка то где с ребёнком?»

И в самом деле, думаю я, а где же Колич с женой и сыном? Уж не внутри ли пожара?

Только я хотел рассказать старосте о своей догадке, как вдруг, где-то позади меня раздался детский плач, и топот копыт. Я повернулся и увидел, как по дороге, уводившей в сторону гор, неторопливым ходом проезжает отряд всадников. Их было человек семь или восемь, все в длинных темных плащах, с капюшонами, и один из них держал на руках маленького ребёнка. Огонь бликами освещал его, давая возможность узнать этого малыша. Это был внук старика-дровосека.

Когда потушили пожар, то внутри дома нашли полуобгоревшее тело Леснянки. Колича, там не было, как оказалось позже, он в ту ночь так и остался спать у реки. А когда прознал, что с семьей его случилось, так совсем плохим сделался. Ушел в лес от людей, больше его никто и не видел. Жив ли теперь...?

7. Кай

Лешарп внимательно дослушал рассказ, и спросил:

– А зачем они увезли ребенка?

– Отец говорил, что он был им зачем-то очень нужен, – ответила девушка.

– Исчерпывающее объяснение, – иронизировал чародей. – Может у него был звездный дар?

– Может, а ты правда чародей? – неожиданно спросила она. – Ты не похож на остальных чародеев. Они не разговаривают с крестьянами.

– Как твое имя? – спросил тогда он.

Её звали Кай, она была дочкой простого земледельца, что жил в Залесице. Те события, которые она описала, он наблюдал ещё мальчишкой. Лешарпа заинтересовала эта история. Он сказал:

– Я никогда раньше, не слышал что бы чародеи спускались с гор в поселения, для того что бы забрать одаренного ребенка. И даже если такое и могло произойти, то обычно, родители с радостью отдают своё чадо. За это они получают хорошую плату, и небольшие снисхождения знати.

– А я ни разу не видела такую мать, которая отдаст своего ребенка, пусть даже и за деньги, – не замедлила с ответом Кай.

– Тогда тебе стоит прогуляться до порта, – спокойно парировал Лешарп. – Там таких мамаш знаешь сколько?

– И что, вы забираете их детей?

– Они сами отдают их, – повторился чародей. – Сами приносят их к малой арке Лазурного замка, и просят сказать, есть ли у их новорожденного звездная искра. Если такой дар имеется, то через три года, она с удовольствием отдаст его, а до той поры, будет кормить его, и следить, что бы с ним, ничего не случилось. Между прочим, часть причитающегося получают сразу. Мы никого не забираем, если только... – Лешарп остановился, так как в его голову пришла одна мысль, касательно рассказа, что он только что услышал.

– Что? – заметила его задумчивость Кай. – Что, если только?

– Я подумал, – начал неуверенно он. – А вдруг, родители этого мальчика, заключили подобный договор с чародеями, а когда пришла пора, отдавать дитя не захотели. В этом случае, я допускаю, что чародеи могли прийти за тем, что им принадлежит.

– Люди не говорили плохого про их дом, – ответила Кай. – А хорошие люди своих детей не отдают, ни за деньги, ни за что другое.

– Но в этой истории больше интересно не это, а старик-дровосек, – заметил Лешарп. – Каким бы сильным он не был, но вот так вышвырнуть чародея из своего дома... Здесь не обошлось без высших сил.

– Думаешь, он сам чародеем был? – спросила она.

– Или данное событие несколько преувеличено.

Они дошли до места, где дорога уводила за высокий утес, и остановились.

– Вот мы и пришли, – сказала Кай, мило улыбаясь, – за этим утесом наша Залесица, пойдем, я покажу тебе дорогу, которая выведет тебя к твоему замку.

Они обогнули утес и оказались на поле, пересеченное широким трактом. А пройдя немного дальше, увидели крыши домов и других сельских построек. Ближе к поселению, выросла небольшая перелесок, сразу за которым дорога раздваивалась.

– Пойдешь здесь, и очень скоро увидишь свои горы, – сказала она, указывая направление, – а я вот так, и до дому выйду.

Лешарп остановился и серьезно посмотрел на неё и сказал:

– Я хочу ещё раз увидеть тебя, Кай.

– Прогуливайся у реки почаще, – загадочно ответила она, тряхнула волосами, и побежала в сторону дома.

Лешарп направился по дороге, которую она показала, периодически оглядываясь на неё. Когда она была уже у одного из домов, он увидел, как она повернулась и помахала ему напоследок. Этот жест воодушевил его с большей силой, и он непроизвольно улыбнулся. Когда он собирался продолжить свой путь, его взгляд зафиксировал нечто темное виднеющееся неподалеку от тех домов, с которыми поравнялась его новая знакомая. Сделав несколько шагов, на возвышение, он пригляделся, и увидел старый, разрушенный дом, который очевидно пострадал от пожара.

– Неужели это дом того самого старика-дровосека? – подумал он. – Нет, не может быть, ведь столько лет прошло...

8. Встреча с Заедилом

– Камират? Это ты друг мой?

Парень только поднял высоко голову и попытался пройти мимо.

– Камират это я, Лешарп! Ты что не узнаешь меня?

Молодой волшебник скрылся в длинном коридоре, так и не обернувшись.

– Узнает, – услышал Лешарп лукавый голос, теперь уже, позади себя. – Именно по этому, и делает вид, будто вы не знакомы.

Лешарп обернулся и увидел равного себе по годам воспитанника. Он был одного с Лешарпом роста, и лишь слегка уступал ему в ширине плеч, однако одеяние этого молодого волшебника, говорило о том, что он проходит обучение, на четыре уровня ниже. Его черты лица, несомненно, показались Лешарпу знакомыми, и он, долго не гадая, узнал в них Заедила.

– Заедил? – удивленно констатировал Лешарп.

– Не рад меня видеть? – отозвался юноша.

– Отчего же? – не согласился Лешарп. – Всегда рад.

– Не лукавь Лешарп, – улыбаясь, ответил тот. – Признай, что всегда меня недолюбливал.

– Не скажу что мне были по нраву твои насмешки над менее успешными учениками, но в целом я не испытываю к тебе неприязни.

– В таком случае, приношу свои извинения, – слегка кланяясь, ответил Заедил. – Я думал, что ты иного мнения обо мне, и откровенно говоря, теперь испытываю некую неловкость.

– К чему все эти фамильярности? – хмуря брови, спросил Лешарп. – Ведь мы с тобой знакомы с детства?

– Мы были знакомы в детстве, – поправил его Заедил. – Согласись, что нынешняя встреча слегка напоминает новое знакомство, ведь минуло столько лет?

– В твоих словах есть доля правды, Заедил, но кланяться было не обязательно, а то я начинаю думать, что ты общаешься с кем-то еще здесь, помимо меня.

Заедил засмеялся, и по-приятельски попытался стукнуть Лешарпа в плече, но тот увернулся.

– О-о! – протянул Заедил. – Ты и впрямь стал еще быстрее, чем раньше. А я, было, думал, что все эти рассказы о тебе, не более чем глупые, завистливые сплетни.

– Ты тоже был быстр, когда я тебя знал, – ухмыляясь, ответил Лешарп. – Все еще практикуешься в боевых искусствах?

– И не перестану, даже когда их запретят.

– Я тоже, – одобрительно ответил Лешарп.

– Не желаешь прогуляться? – предложил Заедил. – Не мне тебе объяснять, как бывает, надоедлив Лазурный Замок.

– Охотно, – согласился Лешарп, и еще раз взглянул, по направлению в котором удалился Камират.

– Не осуждай его за то, что он сделал, – заметив его недоумение, сказал Заедил. – Пройдет время и он пожалеет об этом. Собственно говоря, Камират всегда отличался от других тем, что сперва делал что-нибудь несуразное, а потом размышлял над правильностью содеянного.

– Признаю, что в твоих насмешках над ним, была доля истины, – задумчиво ответил Лешарп. – Однако мне не совсем понятно его поведение.

– Ты так говоришь, словно раньше в его действиях наблюдался здравый смысл. Не обращай на него внимания, Лешарп. Просто еще одна не самоутвердившаяся личность, каких полно в стенах этого замка. Если тебя так волнует этот, – Заедил замялся, словно подбирал подходящее слово.

– Случай? – помог ему, Лешарп.

– Ты понял, что я имею в виду, – улыбаясь, продолжил Заедил. – То я бы смог привести тебе пару своих предположений по этому поводу, но только не здесь.

– Боишься, что нас подслушают, – с улыбкой спросил Лешарп.

Вместо ответа Заедил криво улыбнулся, и они поспешили покинуть территорию замка. По дороге Лешарп рассказал об особенностях обучения в группе архимага:

– Талимир ведёт лекции сам, и иногда при помощи своих помощников. Иногда он садится в аудитории с нами, и смотрит, как другой наставник преподносит материал. Адепты, – продолжал Лешарп, – все очень сильные, способные и каждый старается превзойти своего однокурсника.

– И кто побеждает в этой игре за знания? – спросил Заедил.

Лешарп ответил после недолгого молчания:

– Ты очень правильно подметил, это игра, но не за знания.

– А за что же тогда?

– Когда я учился с тобой в одной группе, – начал Лешарп. – Это можно было так назвать. А в моей группе, где каждый близок к тому, что бы называться самым сильным, идет акцент именно на соперничество друг с другом. Я мне кажется, – продолжал анализировать он, – что скоро, адепты будут не столько развиваться, сколько мешать развитию своих однокурсников.

– В таком случае, тебе бы стоило позаботиться о том, чтобы не ты стал тем, против кого будут направлены эти меры, – внимательно выслушав его, сказал Заедил. – Так как ты, насколько я понимаю, являешься самым молодым в группе архимага.

Через четверть часа, они сидели на топчанах в одной из ближайших таверн, и распивали горячий травный напиток, привезенный с далекого острова.

– И так, – спросил Лешарп, располагаясь поудобнее.

– Что? – не понял Заедил.

– Ты хотел со мной поделиться своими мыслями на счет Камирага, – напомнил Лешарп.

– А, Камират – вспомнил Заедил. – Камират просто очень ведом, и в данный момент попал под волну зависти и негодования, которая охватила всю нашу группу, в которой и ты, когда-то, учился.

– Не совсем тебя понимаю, – сдвинув брови, ответил Лешарп. – Какая зависть, какое негодование?

– Видишь ли, – начал Заедил. – Твои познания в области волшбы, не дают им покоя. Им хотелось бы достичь таких же высот, но по ряду причин они не могут этого сделать. Камират боится быть замеченным в твоём обществе, ты ведь помнишь, как много для него значило общественное мнение? У него нет своего, и потому он присоединяется к мнению большинства. Если бы, скажем, тебя бы восхваляли и приклонялись перед твоими способностями, он падал бы ниц, как и все, выказывая тебе почести. Тебя почитают только младшие группы, и несколько наставников Лазурного Замка, а все остальные ненавидят тебя, за твой дар, и за то, что у них его нет.

– Не хочу тебя обидеть, Заедил, но мне кажется, твои предположения ошибочны.

– Ты так говоришь, потому что редко бываешь на других этажах, – заметил ему Заедил. – Ты проходишь по ним, когда выходишь погулять, но не остаешься пообщаться с воспитанниками.

– Я бы, может и общался бы, с кем-нибудь, – пожал плечами Лешарп, – просто у меня нет в этом большой необходимости. И, откровенно говоря, я не видел ни у кого большого энтузиазма вести со мной беседы. Скорей наоборот, стараются отделаться побыстрее.

– Не задумывался, почему? – спросил Заедил.

– Поначалу мне казалось, что это от того что я ученик Талимира, но вот сегодня, я свою точку зрения пересмотрел.

– Причем тут то, что ты ученик архимага? – не понял Заедил. – Его воспитанники не заводят новых знакомств, потому как всех остальных считают недостойными своей компании. Однако ты, как я заметил, так не считаешь. Ты не гордый и в этом твоё преимущество перед ними.

Лешарп не ответил.

– Я изучил тебя достаточно Лешарп, что бы с уверенностью сказать, что ты самый выдающийся чародей, из всех кого я видел.

– Ты мне льстишь.

– Нет, это правда. И знаешь почему?

– Просвети меня, – с пренебрежением ответил Лешарп, делая глоток чая.

– Обладая необыкновенным могуществом, ты так же обладаешь необъемной скромностью, и именно это делает тебя более великим и мудрым чем Талимир. Это делает тебя менее ограниченным. Другие глядя на тебя считают, что ты достиг больших высот, однако для тебя их мнение не является показательным, потому как ты стремишься к большему. Ведь так?

Лешарп неохотно кивнул.

– Ты не считаешь себя очень успешным, хоть и знаешь, что достиг большего, чем многие другие, почему?

– Потому что, чем больше я учусь, тем больше понимаю, что мне еще многому нужно учиться. Я не вижу границ перед собой. Знания, они как будто сами рассказывают мне свои секреты, а я лишь проверяю их достоверность.

– Как это? – не понял Заедил.

– Я много размышляю над тайнами мироздания, и в виду этого, в мою голову приходят некоторые догадки, которые я незамедлительно проверяю, а проверив, убеждаюсь в истинности этого предположения.

– Бывают и ошибки?

– Разумеется, бывают, но должен отметить, что намного реже, чем раньше.

– Это говорит о том, что твои мысли хорошо структурированы, и ты, судя по всему, неплохо владеешь аналитикой, что меня совсем не удивляет.

– Допустим твое предположение на счет Камирата верно, – прикинул Лешарп. – Что тогда на счет тебя?

– А что я?

– Ты почему-то вопреки другим, сидишь и ведешь со мной задушевную беседу. Ты не боишься навлечь на себя негативное воздействие со стороны большинства, почему?

– Я хорошо освоил телепатию, вижу в людях чуть больше чем другие. Пусть я не так силен, как ты в других практиках, но это я научился делать, пожалуй лучше многих.

– Собираешься, стать видящим? – спросил Лешарп.

– Нет, – улыбаясь, отмахнулся Заедил, – Я не собираюсь ограничить себя в познаниях, ради того, что бы сидеть на верхних ярусах Лазурного замка и растрчивать свой потенциал впустую. Я собираюсь учиться дальше, и в результате, не исключаю, что свершу какое-то великое открытие.

– Ты, я гляжу, скромностью не обделен, – не без иронии, отметил Лешарп.

– Я могу показаться слегка самонадеянным, однако не спеши меня судить. Вспомни, каким уверенным ты шел на свой первый экзамен. Так же как и я уверен в своем умении, и в своих возможностях, достичь большего.

– Допустим, – нехотя согласился Лешарп. – Могу ли я принять это за комплемент и заключить, что ты общаешься со мной из-за моего умения, и себя считаешь подобным?

– Подобным тебе, я себя не считаю, и твои познания ставлю выше своих, – шуря один глаз, уточнил Заедил. – Истинная причина того, что я сей час пью с тобой этот отвар, это то, что у меня нет желания пить его с другими, в виду того, что я вижу их практически насквозь.

– Значит, умеешь людей читать? – немного подумав, заключил Лешарп. – А как же читать чародеев?

– А они что не люди? – усмехнулся Заедил. – Поверь мне Лешарп, колдуны это те же люди, только иначе обученные. В отличие от простого люда, мы просто блокируем такого рода воздействие, но данная блокировка не совершенна. Она поддается взлому, нужно только подобрать ключи. Залезть в голову к другому чародею могу не только я, однако сделать это незаметно, может не каждый.

– А ты можешь?

– Могу, – спокойно ответил Заедил. – правда не к каждому, и информация которую я умею воровать незаметно, является поверхностной. Однако и ее достаточно, что бы охарактеризовать того или иного чародея. Для получения более точных данных нужно разрешение их носителя.

– А если он не дает такого разрешения?

– Тогда такой ментальный взлом нанесет ему большой вред, – ответил Заедил. – Но что бы произвести подобного рода взлом подсознания, нужно соответствующее умение, а таковым у нас тоже не многие владеют.

– Если ты говоришь, что разница между людьми и чародеями лишь в способе развития, то получается что волшебю можно обучить каждого?

– Да!

– Ты уверен в этом? – серьезно спросил Лешарп. – А как же способности, которыми наделяются только избранные?

– Полная чепуха, – махнул рукой Заедил, – придуманная чародеями, для того, что бы ни делиться знаниями со всеми. Ведь если обучить всех детей с этого острова, так же как обучали нас, то кто знает, сколько появится таких выдающихся чародеев как наш Талимир. И как прикажешь управлять такими владыками?

– Интересная версия, – улыбаясь сказал Лешарп.

– Сам процесс отбора, это абсолютно субъективная процедура, – продолжал Заедил, не обращая внимания на его скептицизм. – Стоит группа чародеев, а им детей подносят. Исходя из того, понравился ребенок чародею или нет, он говорит, обладает тот звездным даром, или такого дара у него не наблюдается. Это очень удобно, потому что при этом, во-первых: тешится самолюбие того, кто делает выбор, а во-вторых чародеям не нужно лишней раз объяснять, почему он выбрал этого ребенка и не взял другого. Ошибки быть не может, потому, как наша система обучения еще не давала сбоев. Каждый, кто попадает в Лазурный замок, со временем обретает способность творить волшебю. Вопрос лишь в том, как усердно он учится, воспринимает полученный материал, и в какой мере ограничен.

– В твоих словах столько уверенности, Заедил, – заметил Лешарп. – Что мне начинает казаться, что ты навязываешь мне свою точку зрения. Хоть она меня и заинтриговала.

– А ты проверь, – предложил Заедил. – Прежде чем отрицать мою теорию, убедись в том, что она ложна. Возьми человека из поселения, проведи пару экспериментов, и убедись. Ты ведь так это делаешь?

– А теперь я начинаю думать, что именно для этого ты меня сюда пригласил, – потирая подбородок, сказал Лешарп. – Уговорить меня свершить что-нибудь запретное. Ты, правда и раньше этим увлекался, вечно склонял кого-то на свершение глупых поступков, за что потом их исполнителям влетало по первое число.

– Тогда я развлекался, – безразлично, ответил Заедил. – Проверял свои аналитические способности, и умозаключения, касательно некоторых лиц. Отдаю тебе должное, тебя в числе тех идиотов, не наблюдалось.

– Ошибаешься, – не согласился с ним Лешарп. Он хотел напомнить ему тот случай, когда помогал Камирату проникнуть на верхний ярус, но Заедил не дал ему этого сделать.

– Я знаю, что это ты тогда помог Камирату. – угадал его мысль Заедил. – И несмотря на то, что он притащил мне этот несчастный цветок, который спокойно рос себе, до появления этого кретина, я все же смог сделать заключительный вывод, на счет него. Я лишний раз констатировал его глупость, а после его рассказа, заключил, что он еще хвастун и при том, не предан. Потому что он не упомянул о твоём неценимом вкладе в его ночное приключение, а присвоил все эти достижения себе, так словно тебя с ним и не было. Хотя вопрос не стоял о том, сможет он подняться туда один или с кем-то.

– Зачем тебе это было нужно? – спросил Лешарп.

– Не суди меня строго, я был глуп и наивен, и тягу к знаниям обрел только через год, после этих событий. Теперь у меня нет нужды, утверждаться таким путем.

– Теперь ты хочешь, что бы я тайно обучил кого-то?

– Не ты, а мы, – поправил его Заедил. – Не думай, что один будешь заниматься этим, ведь если я окажусь прав, то это и станет тем великим открытием, которое я себе вижу.

– Но в данном случае это будет нашим открытием.

– Я готов разделить с тобой ту похвалу, которая причитается первооткрывателям, – делая глоток, ответил Заедил.

Лешарп только усмехнулся, и сказал:

– О какой похвале ты говоришь, друг мой? Ты даже не представляешь, какие процессы завертятся, в результате наших экспериментов. Или ты всерьез думаешь, что наше руководство это одобрит?

– Ну, конечно же, я все понимаю, – широко улыбаясь, ответил Заедил. – Руководство будет недовольно этим.

– Оно будет в ярости, – уточнил Лешарп. – И ты готов пойти на это, ради науки?

Заедил не ответил, ответ читался на его лице.

– Ну что же, – тяжело вздыхая, ответил Лешарп. – Я согласен, провести пару экспериментов. Не скажу, что без опасения иду на это, а потому попрошу тебя держать все в секрете.

– Это можно было и не озвучивать, – прервал его Заедил. – Остается подобрать кандидатуру?

– Уже есть кто-то на примете?

– Есть у меня одна мысль, – почесав подбородок, ответил Заедил.

– Ты и об этом позаботился? – вновь усмехнулся Лешарп. – Все же ты хитрый, Заедил, и всегда таким был.

– Я бы в любом случае взялся за обучение человека, с твоей помощью или без нее. Пусть тебя не удивляет моя предусмотрительность, а радуется, ведь впереди нас ждет серьезная работа. А пока что, я бы хотел попрактиковаться в боевых искусствах. Не желаешь присоединиться?

Лешарп, охотно согласился и, допив содержимое своих чашек, они поспешили покинуть гостиницу.

9. Боевые тренировки

Оставив позади город и всю его суету, молодые чародеи пошли в сторону Лазурного замка, однако перед самыми воротами они повернули вдоль стены, и прошли под стенами. Обогнув древнюю обитель, они устремились вниз, по склону и оказались на небольшой площадке, окруженной горными хребтами.

Остановившись они осмотрелись, и взгляд их упал на ту скалу, за которую должно будет зайти солнце, в конце дня, и переглянувшись между собой, поспешили на нее забраться.

– Здесь не удобный подъем, – заметил Заедил.

– В самый раз для хорошей разминки, – сказал Лешарп, и закатав рукава своей одежды принялся карабкаться по отвесному склону.

Заедил тоже последовал его примеру, однако стал подниматься другим маршрутом, не тем, что выбрал Лешарп. Он цеплялся за другие камни и уступы, и очень скоро сравнялся со своим товарищем.

– Давай, кто первый? – предложил Лешарп.

Заедил согласился, хотя по его положению было видно, что шансы его не велики.

Юноши стали карабкаться вверх, с большим энтузиазмом, и с новой скоростью, и когда Лешарп был уже на самом вершине, Заедил застрял, где-то метрах в пяти от вершины, но все равно продолжал движение, несмотря на трудности.

– Хорошая получилась разминка, – отметил он, когда был рядом с Лешарпом.

– Это хорошее место, – сказал тот, отшвыривая в сторону ногой булыжник. – Я давно приметил его.

– Для чего?

– Для различных упражнений, – разминая пальцы на руках, ответил Лешарп. – И для боевых тренировок в том числе. Но до сегодняшнего дня, я тренировался один. Оттачивал движения, и контроль над телом.

– Ты никогда не думал о том, что подобные практики учат контролировать не только динамику твоего тела, но и динамику тела твоего соперника?

– Не знаю, чем ты слушал, – удивленно ответил Лешарп, – Но мастер Талмар говорил об этом еще на первом занятии.

– Мастер Талмар – прыснул сквозь зубы Заедил. – Да что он вообще сам-то умеет?

– Он хороший учитель, – не согласился с ним Лешарп. – И хоть его мастерства, хватает только для того, что бы обучить младшие группы, вряд ли кто-то из старших адептов, рискнет сцепиться с ним в рукопашной схватке. Если бы не его познания в других областях, я бы предположил что он типичный боевой маг. Ему не тягаться со мной в искусстве творения заклинаний, при этом, у меня нет шансов против него вот в таком поединке. Хотя, может через пару лет, я смог бы что ни будь ему противопоставить, что скажешь?

– Вряд ли, – ответил Заедил. – В последнее время, он развивается только в этом направлении.

Лешарп удивленно, промолчал.

– Это потому, что он ограниченный, – продолжал Заедил. – Если бы он захотел, то мог бы достичь большего, но он почему-то перестал видеть в этом большую необходимость. Как будто в предметах, закончились интересующие его объекты.

– Странно, – вновь подивился Лешарп. – Я, почему-то думал, что он как-то проявит себя, в будущем.

– Мне кажется, он стал жертвой, навязанного ограничения, – философски предположил Заедил. – Его, все время, загружают работой с молодыми воспитанниками, тем самым, полностью лишив его возможности, развиваться дальше. Я бы, дал ему возможность расти дальше,

особенно учитывая то, что с его обязанностями легко справится любой воспитанник из старшей группы.

– Я не согласен с тобой, Заедил. Мастер Талмар обладает качествами, которые не знакомы ученикам с верхних уровней. В его обучающей программе присутствуют такие элементы, которые позволяют воспитать в учениках качества, которыми должен обладать каждый чародей.

– Ты, я надеюсь, не о доброте говоришь? – осторожно поинтересовался Заедил.

– Хотя бы о ней, – ответил тот.

– Это не то качество, которым обладают чародеи, друг мой.

– Разве не они вырастили тебя под своей крышей и открыли в тебе скрытый потенциал?

– Полагаю не без причины, – кривя лицо, ответил Заедил. – Они вложили в меня знания, лишь потому, что это нужно было им, а не мне. Я их об этом не просил, да меня и не спрашивали. Мы не помним своей жизни вне замка, и не знаем своих родителей.

– И, тем не менее, они старались и ...

– Лешарп, – перебил его Заедил. – Мне тоже знакомо это снисходительное чувство, которое ты испытываешь, и я не раз сам подвергался его искушению. Однако чародеи проявляют подобное снисхождение только к себе подобным. Маги добры только к нам, Лешарп, а по отношению к населению этого острова, они не являются таковыми.

– Ты не первый кто говорит мне об этом, – немного поразмыслив над его ответом, сказал Лешарп.

– Начнем? – вставая в боевую стойку, спросил Заедил.

– Начинай, – довольно ответил Лешарп.

И два юноши сошлись в тренировочной схватке, которая со стороны, очень сильно напоминала причудливый танец, двух акробатов, то и дело пытающихся нанести друг другу сокрушительный удар. Они оба смотрелись одинаково грациозно. В них одновременно сочетались легкость и грация, и в то же время резкость, стойкость и уверенность. Оба молодых, сильных бойца, то хватались друг за друга, пытаясь произвести бросок, то вновь расходились и начинали наносить удары.

– Ты очень быстр, – с уважением сказал Лешарп, когда они остановились передохнуть.

– Стараюсь, – ответил Заедил, и они вновь сошлись в поединке.

Они практиковали весь вечер, делая небольшие передышки, что бы утереть пот, что так обильно, капал с их тел, на каменистую землю. Наконец один из них, стал, заметно, терять силы, или как чародеи говорят «терять контроль над своим телом», и как не удивительно, им оказался Лешарп. Заедил дотянулся до него, и смог несколько раз беспрепятственно произвести два удара по корпусу и наметить одни по лицу.

Проведя ряд атак, Лешарп сделал несколько попыток отыграть у своего соперника пару очков, но Заедил не дал ему такой возможности.

– Ты не успеваешь, – серьезно заметил он. – И откровенно говоря, мне становится не интересно.

– Тогда дай мне хороший совет, – предложил Лешарп.

– Мне ли давать тебе советы, а впрочем... – Заедил оценивающе посмотрел на стойку Лешарпа и сказал: – Улыбнись, расслабься.

– Что? – не понял молодой маг.

– Улыбнись, Лешарп. Ты слишком серьезен. Добавь в свои движения немного радости и свободы, не дерись так, словно повторяешь движения с картинки. Импровизируй и делай это с удовольствием. Так ты будешь растрчивать меньше энергии.

Какое-то время Лешарп размышлял над сказанным, а потом, натянув улыбку на свое серьезное лицо, пошел в атаку.

В этот раз, он ощутил, какую-то свободу, в своих действиях, какую не ощущал никогда, раньше. Улыбка и в самом деле дала хорошие результаты. Парируя несколько атак, он снес Заедилу с ног, попав всего один раз.

– Превосходно! – похлопал ему Заедил, поднимаясь на ноги. – Ты чувствуешь, как легко тебе сразу стало?

– Чувствую, – ответил Лешарп. – Ты сильно преуспел в этих практиках, Заедил.

– А вот ты смог многое позабыть.

– В старших группах не практикуют боевые искусства, – с досадой пожаловался Лешарп. – Сегодня я впервые за долгие годы, сошелся в тренировочном поединке, и должен признать, не жалею об этом.

– Если хочешь, я помогу тебе вспомнить все то, что ты забыл и научу всему, что сам открыл в результате частых практик.

– Я был бы тебе признателен за это.

– Продолжим? – вновь предложил Заедил.

Они занимались еще, какое-то время, и прекратили лишь тогда, когда силы стали покидать обоих. В завершении они поднялись на самый пик вершины и стали медитировать. После этого они вернулись в Замок и разошлись по своим этажам.

– Спасибо за ценные наставления, – поблагодарил его Лешарп, перед уходом.

– Не стоит, друг мой, – по-отечески ответил Заедил. – Я никогда не был жаден на знания, а потому и решился обучать людей.

– Это серьезное дело, – заметил Лешарп. – Как бы нас не поймали.

– Не говори никому, – посоветовал на прощанье Заедил. – Помни о том, что у тебя здесь очень много недоброжелателей, которые поспешат донести на тебя, при первой же возможности.

10. Урок 1-й

На следующий день, Лешарп вновь увиделся с Заедилом. Целью их встречи являлась та идея, которую они решили воплотить в жизнь, – открыть обыкновенному человеку без чародейских способностей, тайны мироздания, коими владеют правители этого острова.

– Ребенок?

– А что тебя удивляет? – спросил Заедил. – Согласись, что на ребенка воздействовать куда проще, нежели на взрослого человека. Нас-то детьми обучали.

– Возможно, ты прав, – неуверенно ответил Лешарп, – Но не возникнут ли от этого проблемы?

– Например?

– Ребенок может не оценить всей степени серьезности того, то мы делаем, и проболтаться.

– Не проболтается, – уверено ответил Заедил. – Особенно если будет знать правду о том, что ему за это будет.

Лешарп еще раз посмотрел на мальчика, сидящего на сухом пеньке, в чаще леса.

– В таком случае, приступим.

– Первое что ты должен научиться делать, – начал объяснять Заедил – Это повысить свою чувствительность. Начнем мы с такого чувства как обоняние. Проснувшись завтра утром, начни принимать к запахам, что тебя окружают. Понимаешь, о чем я тебе толкую?

Ребенок вразумительно кивнул.

– Сначала улучшай свой нюх, ясно? Твоя задача запомнить, как, что пахнет, и понять, что ты чувствуешь, принимаясь, к тому, или иному предмету. Запоминай свои ощущения, а если не можешь то записывай. Понял?

Мальчик вновь кивнул.

– Разве он умеет писать? – удивился Лешарп.

– Я научил его грамоте в прошлом году, – ответил Заедил. – Неужели ты думаешь, что я недавно познакомился с этим мальчиком.

– Как тебя зовут? – спросил Лешарп.

– Даниус, ваша милость, – спокойно ответил парнишка.

– Я не «ваша милость» – поправил его Лешарп.

– Это твой новый наставник, – пояснил ребенку, Заедил. – Вместе мы будем обучать тебя тому, что сами умеем. Твоя задача, Даниус, никому не рассказывать о том, что ты знаком с нами, и о том, чему мы тебя учим. Если ты расскажешь об этом, чародеи убьют всех в твоём поселении. Меня и Лешарпа, тоже убьют. Я хочу, что бы ты понимал, всю серьезность того, что я тебе сей час говорю. Ты ведь не хочешь, что бы нас убили, правда?

– Я никому не скажу, – насупившись, ответил мальчик.

– Какой смысленный парень, – не переставал удивляться Лешарп. – Откуда ты его нашел?

– В позапрошлом году одна молодая семья чем-то разгневала наше руководство, и его родителей, сам понимаешь, умертвили. Парня бросили на старую бабу, но и та через два дня умерла. Он сирота, и кроме меня ему некому было помочь. Я приносил ему еду, вернее сказать, говорил, где я ее оставляю, а он ее забирал.

– К чему такая скрытность?

– Я подумал, что деревенским незачем, знать, что он находится под моим покровительством. В конце концов, это могло дойти до архимага, и тем вызвать его интерес к моей персоне.

– А тебе этого не хочется?

– Чего? – не понял Заедил. – Внимания архимага? – Молодой чародей только рассмеялся. – Нет уж, спасибо. Я к счастью не испытываю такой потребности.

– Почему?

– Потому что быть его учеником, означает находиться под его постоянным контролем, а это сам понимаешь, ограничивает меня в моих научных исследованиях. Ты сам это можешь делать, только потому, что Талимир тебя очень сильно ценит, и не может тебя контролировать.

– Напрасно ты так думаешь, – попытался разубедить его Лешарп. – В нашей группе каждый волен делать все что захочет, лишь бы это пагубно не отразилось на учебе. Просто я не являюсь тем, кто рискует отстать от остальных, и потому трачу свое время на прогулки, и вот такие вот исследования.

– И все же, я считаю, что ему трудно тебя контролировать, при твоих умениях – ответил Заедил. – А большинство наставников, мало того, что завидуют тебе Лешарп, они тебя боятся.

– А чего меня бояться то? Я же ни разу не выразил к ним свое неуважение? Послушно посещаю обязательные занятия...

– Твои познания выше, чем у большинства из них, при том, что ты всех их младше, и не на один год, – объяснил Заедил. – У тебя больше всех шансов, стать наследником архимага, и потому, все они будут мешать твоему спокойному существованию.

– В таком случае, – продолжил его мысль Лешарп. – Нам с тобой тоже следует держать наше общение в тайне, ведь они могут начать задавать вопросы, о том, куда мы постоянно отлучаемся.

– Правильно мыслишь, – похвалил его Заедил. – Вернемся к нашему ученику. Ему, – он указал на Лешарпа, – ты можешь верить, так же как и мне, ясно?

Парень оценивающе посмотрел на своего нового учителя, кивнул, и спросил:

– А как его зовут?

– Меня зовут Лешарпом, Даниус. Теперь мы вместе будем заниматься твоим развитием. Мальчик еще раз вразумительно кивнул, и повторил:

– Лешарп.

– Приступим к занятиям, – продолжал Заедил. – Первое, что тебе нужно научиться делать, это научиться, правильно расслаблять свое тело. Для этого тебе потребуется освоить некоторые дыхательные упражнения.

Мальчик внимательно слушал, что ему рассказывают, спрашивал, когда что-то не понимал, и старался ни на что не отвлекаться. Когда чародеи объяснили ему технику дыхательных упражнений, он сразу приступил к их выполнению. Убедившись, что он делает все правильно, Заедил продолжал:

– Теперь, когда ты умеешь правильно дышать, давай научимся правильно расслабляться.

И они объяснили ему, что он должен представить свое тело, целиком или частями, – не важно, главное ощутить, тот участок тела, на котором сконцентрировано внимание.

– Посмотри внимательно на свою руку, – предложил Лешарп. – Хорошенько разгляди её со всех сторон, заметь её особенности, направление линий на ладони. А теперь закрой глаза, и представь её, так, словно смотришь на неё. Чувствуешь?

– Я чувствую, как она пульсирует, – проговорил мальчик с закрытыми глазами. – Да, я чувствую её.

– Теперь так же представь всё своё тело, и почувствуй его всё, целиком, а когда почувствуешь, просто дай ему команду, что бы оно расслабилось, и почувствуй, как оно расслабляется.

Мальчик начал выполнять, то о чем его попросили, но через некоторое время, задремал и они услышали ровное сопение, доносившееся с его стороны.

– Судя по всему, расслабляться он научился, – констатировал Лешарп. – И надо заметить, достаточно быстро. Это конечно замечательно, но пора бы его разбудить.

Однако будить Даниуса не пришлось, он, словно, услышал их голос сквозь сон, тут же открыл глаза, принял ровную осанку, и широко зевнул.

– Спать хочется? – спросил Заедил.

Парень кивнул, потирая сонные глаза.

– Нужно взбодриться, – улыбаясь, сказал Лешарп. – Давай я покажу тебе одно упражнение, которое поможет тебе находиться в состоянии бодрствования.

Он лег на землю лицом вниз, упер в неё руки на уровне груди, напряг все свое тело, и приподнялся, разгибая локти, таким образом, что земли касались только ладони и мыски, после чего медленно опустился, касаясь грудью земли.

– Движение вверх, нужно делать резко и на выдохе, – объяснил он. – А опускаться нужно медленно, при этом делая вдох.

Даниус попробовал повторить, и у него сразу получилось.

– Делай до тех пор, пока не вспотеешь, – рекомендовал новый учитель. – Только не торопись, главное сделать не много, а правильно и медленно. Это упражнение, придаст твоему телу нужную крепость. Чародей, должен быть развит, как умственно, так и физически.

– Я бы сказал, что так должен быть развит каждый человек, – заметил ему Заедил. – Раз у людей есть мозги и мышцы значит, они им необходимы, потому что природа не наделяет никого ничем лишним. А раз так, значит, такие дары нужно ценить и развивать. Пренебрежение ими, – преступление против самой природы. Так что я всем рекомендую не грешить, развивать свой потенциал, и выявлять, чем тебя наградила природа. Потому как если себя не познаешь, не познаешь и то, что вокруг тебя. А без этого чародем быть невозможно.

Через некоторое время, мальчик был готов продолжить занятия.

– А теперь, – продолжил Заедил. – Я буду учить тебя анализировать свои чувства. Ты просто сядь, как сидел до этого, и начинай дышать, как я тебя научил, только теперь думай о дыхании, и контролируй себя, чтобы не уснуть. Постарайся понять, что ты чувствуешь, дать оценку. Подует ветер, или припечет солнце, – ты должен будешь сконцентрироваться на этих ощущениях. Не торопись, не спеши, научись быть внимательным к своим ощущениям. Все понял?

Паренек опять молча кивнул, и приступил к выполнению.

Через четверть часа он встал с сухого пня, и, достав кусок пергамента, из кармана, принялся писать на нем что-то кусочком угля.

– Не лучше ли предоставить ему чернила? – предложил Лешарп.

– Не лучше, – коротко ответил Заедил. – Он запишет и запомнит, а потом сотрет, что бы больше никто не смог прочесть. Мы так уже делали, он так память тренирует. Никто из его деревни не знает, что он умеет писать или читать. Они считают его слабоумным, и общаются с ним с осторожностью.

– Как ты пробудил в нем такую тягу к знаниям? – тихо спросил Лешарп.

– Трудные жизненные обстоятельства не оставили ему другого выбора, – так же тихо ответил Заедил. – А потом, он жаждет отомстить за смерть своих родных, а это хороший стимул.

Лешарп только усмехнулся.

Целый день они обучали маленького Даниуса. Когда солнце стало садиться, Заедил попросил записать домашнее задание.

– Завтра, когда проснешься, начинай работать над своими чувствами. Ты будешь улучшать их, понимаешь? Сначала обоняние, будешь принимать к различным запахам, и анализировать свои ощущения. Пару дней мы не сможем тебя учить, так как самим нужно посещать занятия. Когда мы в следующий раз встретимся, я дам тебе следующее задание.

Даниус записал все необходимое, они дали ему немного еды, и отправили домой.

Когда они возвращались в Замок, то по пути им встретился Камират. Он прошел мимо них, задрав высоко голову, не поздоровавшись, и скрылся за углом, замка.

– Камират, как всегда в своем репертуаре, – констатировал Заедил.

– Странно, что под конец дня он покидает замок, – удивился Лешарп. – И чего ему понадобилось в той стороне?

– Ты мог бы переместиться на тот утес? – спросил Заедил. – Оттуда, весь замок на ладони, вот и посмотришь.

– Интересная мысль, – сказал Лешарп и тут же исчез, словно его и не было.

Переместившись на высокий утес, Лешарп заметил Камирата, за странным занятием. Скрывшись за углом, он изменил свое направление и устремился туда, откуда пришли Лешарп и Заедил. Поняв, что к чему, Лешарп вернулся в замок и поделился своей догадкой с другом.

– Значит, Камирата следит за нами, – улыбнувшись, ответил Заедил. – Он все равно ничего не найдет, пусть ищет. Другое дело, что он заинтересовался этим, и теперь возникает вопрос: кто его на это надоумил?

– Кто-то куда более умный, чем он сам, я полагаю.

– В этом замке трудно отыскать кого-то, кто смог бы составить конкуренцию Камирату в недалековидности, а потому это может быть кто угодно.

– Интересно сколько это продолжается?

– Не думаю что очень долго. Однако стоит быть на стороже, потому как мы не знаем, кто за ним стоит. Недооценивать серьезность его намерений будет легкомысленным.

11. Теоретические данные

После того, как маленький Даниус, обострил свое обоняние, Заедил предложил проделать то же самое с другими его чувствами. Когда мальчик выполнил и это задание, настало самое время, для следующего этапа обучения.

– Что бы научиться искусству чародейства, – начал рассказывать Заедил, – тебе необходимо понимать некоторые вещи, потому как без понимания творить волшебство невозможно. И так, представь себе, что есть нечто, что умеет делать все. Из этого нечто все и состоит. Мы – чародеи зовём это энергией, или звездной силой, а простые люди называют это звездным даром. Из этой силы, энергии состоит все вокруг, Даниус. Земля, вода, трава, я и ты, – все это энергия, сила. Она может принимать любую форму, может быть большой, маленькой, совершенно любого цвета и состояния. Вода, огонь – это тоже все энергия...

– А как она выглядит на самом деле? – спросил Даниус. – У нее есть настоящее лицо, у этой силы?

– У силы есть первозданный вид, но лицом это вряд ли можно назвать, – объяснил Лешарп. – Таковую силу называют, чистой энергией, но на самом деле никто не знает, первозданный ли это её образ, или, настоящее ли это лицо, если так будет проще.

– Расскажи, что ты понял, Даниус, что бы мы были уверены в том, что тебе все ясно.

– Сила и звездный дар, это одно, и тоже, – задумчиво начал пересказывать ребенок, – из силы сделано всё, и я тоже; сила может быть какой угодно, и никто не знает какое у неё лицо? Чародеи переглянулись.

– Пока что, вроде всё так, – констатировал Лешарп.

– Хорошо, тогда пойдем дальше, – продолжал Заедил. – Если ты создан силой, и при помощи неё, значит разумно предположить, что сила есть и внутри тебя?

Мальчик задумался, и ответил:

– Если я строю дом из песка, то внутри всегда будет песок.

Чародеи оценили мудрое высказывание, не свойственное возрасту их ученика, и продолжили:

– Если сила есть внутри тебя, то значит, ты сам сила и есть, понимаешь? А раз ты сила и есть, и сила способна делать всё, что это значит Даниус?

– Это значит, что я могу делать всё? – недоверчиво заключил ребенок.

– Да, Даниус. Это значит, что ты можешь делать всё, что захочешь. Но что бы что-то делать, нужно знать, как это делается. Помнишь, когда мы учились грамоте, ты не мог ни читать, ни писать. И научился этому, только тогда, когда узнал, как это делается. И с чародейством всё так же. Запомни, сила внутри тебя, а значит, это ты и есть, просто еще не изучил себя. Познание чародейского искусства – это в первую очередь процесс познания себя. То, что ты делал до этого, это первый шаг по этому пути. Ты познавал свои чувства, и обострял их, развивал, другими словами. Эти чувства позволяют тебе видеть, слышать, и так далее. Но есть у человека еще один дар, – возможность мыслить и испытывать эмоции. Но об этом чуть позже.

Второе, что ты должен запомнить, – продолжал объяснять Заедил. – это то, что каждое твоё действие, или бездействие; любое сказанное слово, или затаенное молчание, – всё это тоже сила, энергия, или правильной сказать, энергетический выплеск. Каждый энергетический выплеск, можно представить в виде морских волн: одна бежит быстрее, – другая медленней; одна больше – другая меньше; одна чаще поднимается и опускается по глади, чем другая, понимаешь?

– Как рожь, в поле, на ветру? – тут же привел аналогию мальчик.

– Или молоко в кувшине, – нашёл другой пример Заедил. – Взболтни его, и оно заплещется с другой скоростью, понял теперь?

Мальчик кивнул.

– Каждая волна, имеет свою длину, и частоту колебаний, или всплесков, если тебе будет так проще, а также, разную, по силе, степень воздействия. А зависит это, от того, кто эту волну запускает, и как.

– Чародеи видят эти волны? – спросил Даниус.

– Чародеи могут почувствовать эти волны, – объяснил Лешарп. – А увидеть глазами их, пока что, вряд ли кому-то удавалось. Но, почувствовав некоторые из них, ты легко сможешь с ними работать.

– Что-бы научиться чувствовать те или иные энергетические волны, – продолжал Заедил, – ты должен сперва натренировать свою голову. Твои мысли, это тоже определенные энергетические выплески, и ты должен научиться менять частоту колебания своих мыслей, или, как объясняли нам, частоту мозговой активности. Помнишь, когда ты в прошлый раз медитировал, тебе захотелось спать? Это значит, что твоя мысленная активность снизилась. А когда ты подвигался и вспотел, уровень твоей мозговой активности вновь повысился. Пусть это будет твоим домашним заданием. Делай так: сначала расслабляйся до полусонного состояния, а потом, усилием воли вставай и делай упражнения для развития мускул, что делал тогда. Ты, кстати, делаешь это упражнение?

– Да, по несколько раз в день, – ответил Даниус.

– Позже я покажу тебе еще пару упражнений для развития твоего тела, – сказал Заедил. – А пока что, выслушай еще одну небольшую истину, и на сегодня будет достаточно теории. Я хочу рассказать тебе немного об эмоциях, тех чувствах, которые испытывают люди, в особо яркие моменты своей жизни, или наоборот, если эти моменты оставили долгую горькую память. Каждая эмоция, это тоже энергетический выплеск, – продолжал объяснять Заедил. – И чем эта эмоция ярче, тем сильнее энергетический выплеск. По этому чародей должен практиковать искусство самоконтроля, и не давать волю ярким чувствам. Он должен беречь и накапливать энергию внутри себя, для того, что бы в любой момент, быть готовым преобразовать её в нужное, ему заклинание. Люди не могут творить волшебство не только потому что не знают как, а так же потому, что не могут скопить в себе нужное количество энергии, не контролируют себя, и растрачивают силы по пустякам.

Значит, с сегодняшнего дня, ты начинаешь контролировать свое поведение, начиная от своей походки, и заканчивая мыслями, и эмоциями, ясно? Ты должен не злиться тогда, когда этого хочется, и не печалиться, когда тебя что-то расстраивает. На счет печали, скажу сразу, это не то чувство, которое следует развивать. Оно негативно, и совершенно бесполезно, так что про грусть, печаль, тоску и прочую ерунду забудь, раз и навсегда. Если ты считаешь, что у тебя ничего не получится, – тогда мы престанем заниматься, прямо сей час, потому что, только ты определяешь, что ты можешь, а что нет. Таким образом, ты даешь команду силе, что содержится внутри тебя, и задаешь ей направление. Ясно?

Даниус кивнул и ответил:

– Я буду стараться, и у меня всё получится.

– Хорошо, – одобрительно сказал Заедил. – А теперь, давай немного попрактикуем. Закрой глаза, сделай несколько глубоких вдохов и выдохов, и постарайся вновь прислушаться к своим мыслям. В этот раз, я попрошу тебя ощутить их. Все дело в том, – продолжал он, – что каждой мысли, предшествует ощущение. Научись ощущать свои мысли, и потом я научу тебя ощущать мысли других людей. Именно для этого, ты вначале повышал свою чувствительность. Что бы научиться чувствовать то, что ты никогда не чувствовал раньше. Это не так легко, как может показаться, но это необходимо. Все понял? Тогда приступай.

Даниус принялся выполнять, и просидел с закрытыми глазами около часа, после чего совсем расклеился, и склонил голову практически до земли.

– Даниус! – вернул его в сознание Заедил. – Кажется, ты уснул.

– Да, – моргая сонными глазами ответил он. – У меня не получается ощутить свои мысли. Я отвлекся.

– Я говорил, что будет трудно, – напомнил Заедил. – Но главное, что ты должен знать, что дальше не будет легче. Дальше, будет только труднее. И если вдруг тебя посетит чувство, что нужно немного потерпеть, а потом все станет на свои места и будет легче, – не верь этому ощущению, Даниус. Это лень, пытается воздействовать на тебя, используя свои уловки. Легче не будет, будет только труднее.

– Я думаю, что на сегодня достаточно, – сказал Лешарп.

Заедил одобритительно кивнул головой, и вновь обратился к ученику:

– Твоим домашним заданием теперь являются три упражнения, Даниус. Для развития тела, для повышения чувствительности, и, как ты уже понял, ты должен научиться чувствовать свои мысли.

– Возьми, – протянул ему Лешарп внушительный узелок. – Тут сменная одежда и припасы еды. Если тебе еще что-нибудь понадобится, скажи.

– У тебя обувка есть? – Заботливо спросил Заедил.

– Я умею плести лапти, – спокойно ответил паренек, прилаживая узелок на палку.

– Будь там, где бываешь обычно, и я найду тебя для следующего занятия, – напутствовал ему Заедил, и ученик направился в сторону дома.

Возвращаясь обратно в замок, они вновь встретили Камирата, теперь он был в обществе еще одного молодого чародея, которого звали Парис.

– Да он и вправду следит за нами, Лешарп, – заметил Заедил.

– И надо признать, весьма упорно, – сказал Лешарп. – Это говорит о серьезности его намерений. Это не просто праздное любопытство, друг мой. Мне кажется он выполняет чье-то поручение. Он теперь, смотри, с товарищем. Это Парис, что ли? Давненько я его не видел, хотя, не могу сказать, что он сильно изменился.

– Поверь, ты не много потерял, ограничившись общением с ним, – ответил Заедил.

– У вас, что нет занятий сегодня, ты весь день провел за пределами замка? – спросил Лешарп.

– Есть, – ответил Заедил. – Вернее были, просто я их пропустил.

– Тогда не удивительно, что Камирата знает, где тебя поджидать. Он теперь будет каждый раз встречать тебя, когда ты будешь пропускать занятия. И вообще, ты рискуешь получить взыскание. Наставник Гумен, не упустит возможности проявить жесткость.

– Пускай, – легкомысленно отмахнулся Заедил, – Всё равно взыскание не будет строгим.

12. Отъезд Заедила

В городской гостинице сидело два молодых чародея, и вели беседу. Суть их разговора была о скором отбытии одного из них, и о причинах такого решения, которое принял верховный чародей и правитель острова, Талимир.

– Никогда не слышал о том, что бы, адепта отправляли на большую землю, – возмущенно сказал Заедил.

– Может это какая-то новая форма обучения? – предположил Лешарп. – Хотя какая там форма, когда и так все понятно.

– Кто-то донес на нас, – уверенно сказал Заедил.

– Думаешь, они знают?

– Знают, что мы с тобой куда-то отлучаемся, но куда и что мы там делаем им, скорее всего не известно. А иначе Талимир бы предпринял другие действия.

– За полгода, мы ни разу не повторили место занятий с Даниусом, а потому узнать полную информацию о наших делах они не могли.

– Или просто не того человека отправили следить за нами, – предположил Заедил.

– Ты думаешь, что это дело рук Камирата?

– Не он один в этом замешан, – ответил Заедил, делая глоток травяного напитка. – Кто-то из воспитанников осуществляет слежку, самостоятельно и доносит наставникам, по собственной инициативе. Кто-то подталкивает наше руководство к тому, что бы испортить тебе жизнь. А так, как ты любимчик Талимира, они воздействуют на меня, отправляя меня на большую землю.

– Сколько продлится твое отсутствие?

– Несколько лет, я полагаю, – недовольно ответил Заедил. – А может больше, кто знает.

– И что ты будешь там делать?

– Это интересный вопрос, – улыбаясь, ответил Заедил. – Я то, буду дальше проводить свои исследования, а вот что мне там велят делать, это уже остается загадкой.

– Может поговорить с архимагом? – задумался вслух Лешарп.

– Учитывая то, что раньше ты к нему не обращался с просьбами, его самолюбие должно утешиться, – ответил Заедил. – Однако я не думаю, что он изменит свое решение. Самое большое, на что ты можешь рассчитывать, это получить вразумительный ответ, касательный моего там времяпровождения.

– Это уже что-то, – отметил Лешарп и тоже принялся пить уже весьма остывший напиток.

– И всё это из-за простого нарушения дисциплины, – отметил Заедил. – Кто бы мог подумать что, пропустив утреннюю разминку, можно получить столь серьезное взыскание.

– А в чём тебя обвиняют?

– За систематическое нарушение внутренней дисциплины, выраженное в регулярных опозданиях на занятия и утреннюю разминку, применить ко мне меры воспитательного характера, – процитировал Заедил, распоряжение о наказании.

– Словоблудие, какое то, – прыснул сквозь зубы Лешарп. – Мне просто необходимо поговорить на эту тему с Талимиром.

– Ладно, сам виноват, – махнул рукой Заедил. – Увидел, что ты пропускаешь некоторые занятия и решил, что и мне можно.

После этого недолгого разговора они вернулись в замок, и Лешарп направился напрямик к архимагу.

– Я с почтением приветствую вас, мудрейший, – низко кланяясь, сказал Лешарп, войдя к нему в кабинет.

Тот, сперва, и не понял, кто перед ним стоит, и по началу, хотел обойтись простым взаимным приветствием, но, когда поднял свои маленькие, бегающие глаза, и увидел Лешарпа, встал из кресла.

– Лешарп? – удивленно сказал он. – И ты здравствуй! Что привело тебя ко мне? – его голос был мягок, и участлив, а на лице застыло притворное изумление.

– Вас, вероятно, удивляет мой визит, – начал Лешарп. – Не сочтите за наглость.

– И в самом деле, – поднимая брови, согласился Талимир. – Не скажу, что я не удивлен. Я то, думал что такой выдающийся воспитанник, не будет нуждаться ни в чём, в этих стенах, но твое присутствие здесь... Я в смятении, – архимаг развел руками, а в голосе угадывался цинизм.

– Причина, по которой я тут нахожусь, – начал Лешарп – Не столько касается меня, сколько нерушимых обычаев, что устоялись в стенах этого заведения. Я хотел бы уточнить. Правда ли, что воспитанники могут отправляться на большую землю, не закончив свое обучение? Если это так, то я хотел бы отправиться туда, если вы не против.

– Ничего не понимаю, – ответил архимаг. – Я не помню, что бы вносил никаких поправок, в нашу форму обучения. Присядь, пожалуйста, и объясни всё по порядку.

– Я узнал, что одного из воспитанников отправляют на большую землю, – объяснил Лешарп, садясь напротив Талимира. – А так же я в курсе, что этот воспитанник не закончил свое обучение. Следовательно, мне стало интересно, можно ли мне отправиться туда же?

– О каком воспитаннике ты говоришь, Лешарп? – щури глаза, спросил архимаг.

– Его зовут Заедил, он обучается в той группе, в которой некогда обучался я.

– Я не отдавал никаких распоряжений, – развел руками архимаг.

– Но он отплывает завтра, и его корабль уже стоит у пристани, – возмущенно воскликнул ученик.

– Ах, это, – на лице архимага появилось холодное выражение лица. – Я подписал прошение одного из наставников, отправить воспитанника на большую землю, в наказание, и в назидание, и не более того. Он не практиковать туда отправляется, – пояснил Талимир. – А учиться послушанию.

– Почему бы не обучить его послушанию здесь? – не понял Лешарп. – В конце концов, я впервые слышу о таком виде наказания. Это рушит все сложившиеся обычаи, которые установились в этих стенах!

– Тебе ли говорить об обычаях, которые ты никогда не чтил? – резко заметил ему Талимир.

Лешарп замолчал.

– Еще в детстве, ты посетил эти этажи, наплевав на то, что это всегда являлось запретом? – припомнил Талимир. – Не ты ли покидаешь стены замка, при первом же удобном случае и возвращаешься только к заходу солнца? Я уже не стану говорить о том, какие заклятия ты иногда используешь, при том, что отлично знаешь, какие от них могут быть последствия, – архимаг замолчал на какое то время. – Не думай, что я не в курсе о твоих похождениях в город, и о том, что ты не брезгаешь деревенскими девками. Я закрываю на все это глаза, потому что знаю, что к девицам ты не испытываешь ничего кроме похоти, а опасные заклятия которые ты используешь не являются таковыми, в виду твоего могущества. Твои походы в город не складываются пагубно на твоей учебе, а потому я не вижу смысла запрещать тебе, что-либо из этого. Другое дело другие, – мудрец вновь сделал паузу.

– А что другие? – не понял Лешарп.

– А другие смотрят на тебя, и им хочется такой же свободы, какой располагаешь ты, – спокойно ответил архимаг. – А в виду того, что большинство из них и ногтя твоего не стоят, я не могу разрешить им этого.

– И все же я не понимаю, – заупрямился Лешарп. – В чем его вина?

– Кого? – не понял Талимир.

– Заевила.

– Понятия не имею, – улыбаясь, пожал плечами архимаг. – Я же говорю, что просто подписал документ, который мне предоставил один из наставников.

– Вы даже не посмотрели? – усомнился в его справедливости Лешарп.

– Я устал вникать в подробности того, как именно нарушается дисциплина. Это ведь не первый случай, вот посмотри сам, – с этими словами он протянул ученику, стопку бумаг. – Здесь все нарушители за минувшую неделю. Обрати внимание на то, что все эти воспитанники совершили то, что тебе сходило с рук, и знаешь почему? Потому что они, или были замечены с поличным, или их деяния заметно сказываются на их успеваемости. Но это не значит, что ты можешь делать дальше то, что тебе вздумается. Это значит, что тебе следует задуматься над тем, какой пример ты всем здесь показываешь.

– Но большая земля, не слишком ли это, для наказания?

– Наставник принял решение, а значит, он верит, что это наказание возымеет действие. У меня нет оснований не доверять его опыту, тем более что он знает, что если он ошибется, то будет отвечать лично передо мной, – архимаг встал и прошелся по кабинету. – Но твой интерес ведь вызван не большой землей, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.